

БОРИС ГРОМОВ

12+

**КОП
ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ**

Борис Николаевич Громов

Коп из захолустья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57889711

SelfPub; 2020

Аннотация

Будущее некоторой степени отдаленности, маленький шахтерский планетоид, гигантские корпорации, соперничество которых вот-вот перейдет в полноценный военный конфликт. И как это связано с убийством стриптизерши и простым старшим детективом отдела тяжких и особо тяжких преступлений? А таким ли простым? Да нет, коп-то, может, и из захолустья, но с весьма богатым "темным прошлым"... Ну и русские диверсанты, куда ж без них...

Содержание

Планетоид LV-918 Булыжник, час «Ч» минус 89 часов[1].	4
Планетоид LV-918 Булыжник, час «Ч» минус 76 часов.	19
Планетоид LV-918 Булыжник, час «Ч» минус 60 часов.	53
Тринадцатью годами ранее...	76
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Планетоид LV-918 Булыжник, час «Ч» минус 89 часов¹.

Так, а вот это я не понял! Что за непорядок? Или у меня часы вперед убежали? А, нет, нормально все. Где-то высоко в небе над крышей моей мансарды оглушительно грохнуло, а потом уже значительно тише монотонно «забулькало». Мелко задрожали толстые поликарбонатные панели в оконном переплете, жалобно забренчала в давненько уже не мытой кофе-машине дешевая пластиковая, но весьма успешно пытающаяся изобразить фарфор, кофейная чашка, закачалась бежевая пенка только что сваренного эспresso. Все четко по графику. Семь пятнадцать утра – идет на посадку грузопассажирский челнок «Дельта Майнинг групп». У шахтеров пересменка. Сегодня в барах и борделях в районе грузового порта и общежитий «Дельты» будет весело. Суббота, чтоб ее... Впрочем, вряд ли патрульные увидят хоть что-то

¹ Час «Ч» (в англоязычных странах – Hour «Н») – время начала боевой операции. От часа «Ч», как нулевого значения времени, ведется планирование и подготовка действий, когда истинное время их начала ещё не установлено или не разглашается в целях секретности. Час «Ч», как правило, заранее не известен. Время начала сообщается в день наступления. В документах при планировании действий время рассчитывается примерно следующим образом: время подготовки к операции – "Ч" минус XX часов XX минут, а все последующие действия – "Ч" плюс XX часов XX минут.

принципиально новое. Пьяные драки, разбитые носы и выбитые зубы, кого-то однозначно увезет с ножевым «неотложка»... «Культурный досуг» господ шахтеров успел стать рутиной еще до того, как я пришел на службу. Управятся. В самом крайнем случае – подтянут дежурную смену Мобильного взвода. У Команданте парни серьезные, живо разъяснят дебоширам, что такое любовь и как с нею бороться. Тут особо переживать не о чем. Но вот чертов челнок...

А он, меж тем, закончил торможение и начал посадку. «Бульканье» сильно поменяло тональность. С одной стороны: вроде как почти бесшумно, но при этом – в ультразвуковом спектре. Ушами и не слышно, но на мозги давит страшно. И хорошо еще, что в инфразвуковой спектр не зашкалило, а то бы тут во всей округе народ в тоске на стены лез и от страха в штаны гадил. Шутка! Не «вещают» корабельные движки в инфразвуке. Зато в остальном жизнь портят – только держись. Пол под ногами ощутимо заходил ходун. Теперь забренчала не только чашка, но и вся посуда на кухонной полке. Благо, я – холостяк, и посуды и у меня немного. Одним словом, леди и джентльмены, доброго утра и добро пожаловать на Булыжник! Самую глухую захолустную дыру из всех, что только есть в обитаемой Вселенной. И, как это ни странно, одновременно едва ли не самый яркий драгоценный камень в ее же короне... Ага, вот так оно порою и бывает...

Впрочем, будем откровенны, все не так уж плохо. По

крайней мере, у меня и сегодня. Я уже встал, принял душ, соскоблил с физиономии щетину и даже кофе себе сварить успел. Ну, как сварить... Скорее – капсулу в кофе-машину зарядить, воды налить и на кнопку нажать. Это, конечно, не молотый земной мокко в бронзовой джезве на раскаленном песке. Ага, с корицей и чем-то там еще, в таких случаях положенным. Но аппарат у меня стоит дорогой, хороший, да и на капсулах я не экономлю. Так что кофе у меня более чем приличный. Собственно, в первую очередь благодаря ему утро можно считать вполне приемлемым. Вторая причина – день недели. По вторникам все гораздо хуже: приходит чисто грузовой рудовоз, доставляющий сырье на обогатительный комплекс. И прибывает он, зараза, без двадцати шесть. Тоже утра. Из-за этого в понедельник вечером я будильник традиционно не завожу – незачем. Побудочка и без него выходит что надо. Скорость у рудовоза меньше, а вот тоннаж – гораздо больше, чем у челнока с шахтерами. Ну, соответственно, и гремит он куда дольше и серьезнее. Спать под такой аккомпанемент не вышло бы даже у Туми, а я – далеко не он, я всего-навсего изнеженный благами цивилизации конфедерат сомнительного ирландского происхождения. Хотя, где он сейчас, Туми? И где я...

В очередной раз мысленно, про себя, горько вздохнул, мол, сколько ж можно, дружище? Все эти утренние принудительные побудки, ночной гвалт, доносящийся от баров Син

стрит², прочие-разные неудобства, мелкие и не очень ... На кой оно тебе нужно?! Правда потом (и опять же – бог знает, в который раз) вспомнил о ценах на аренду жилой недвижимости в приличных районах Нового Города, прикрытых шумопоглощающими экранами, и только рукой махнул (опять же – мысленно). Тут, в Городе Старом, неподалеку от порта, и ценник более чем гуманный, и до родной «управы» – несколько минут быстрым шагом. Опять же, всегда можно выпятить грудь колесом, бухнуть в нее могучим кулачищем и заявить: мол, я – патриот. В Старом Городе родился и возмужал, тут и буду жить. Ну, и Вики, конечно...

Ладно, довольно лирики! Этак можно даже до совсем рядом расположенного места службы опоздать. Как любил говаривать Влад: «Durnoe delo – ne hitroe». Нет, положительно, в изобретении коротких, но емких афоризмов на все случаи жизни круче русских были, пожалуй, разве что только древние римляне. Большими глотками допиваю, пока не остыл, кофе. Повязываю галстук (знаю, в «управе» многие носят фальшивые, на резинке, вроде форменных у патрульных, но сам предпочитаю собственноручно затянутый аккуратный «виндзорский» узел), надеваю пиджак. На брючной ремень слева от пряжки – полицейский жетон, табельный «Кольт Скат», плоский и компактный, но мощный восьмизарядный пистолет в открытой оперативной кобуре – на пра-

² Син стрит – Улица греха, припортовый район увеселительных заведений в Старом Городе планетоида LV-918 Булыжник

вый бок. Перед экраном коммуникатора, который в «спящем режиме» исполняет у меня обязанности зеркала в прихожей, привычным движением поправляю шляпу. Несколько секунд разглядываю свое отражение. Вроде, все в норме. Вот и хорошо, значит – пора на службу.

Уйти от дома не успеваю: на углу меня буквально за рукав ловит хозяин небольшого ателье, расположенного тут же, на первом этаже дома, стоящего точно напротив моего. Мастер он, конечно, от бога, все мои костюмы им пошиты, но до чего же он иногда бывает нудным!

– Доброе утро, детектив!

Вообще-то – старший детектив. Но разве его волнуют подобные мелочи? Кстати, вот честное слово, кажется мне порой, что этот седой тощий старикан натуральным образом комедию ломает, изображая не просто еврея, которым он, собственно, и является, а натурального старого еврея из анекдотов. Зачем? Да кто ж его знает! Для собственного удовольствия, быть может? У стариков не так уж много развлечений.

– И вам доброго утра, мистер Коэн...

– И чего доброго вы таки увидели в этом утге? – тут же переменял пластинку портной. – Вы таки взгляните, как этот молодой шлемазл испоганил опять мое заведение!

«Молодой шлемазл» – это семнадцатилетний лоботряс Стивен Ричардс, сын соседей старого Коэна. Неплохой, в целом, паренек, но с конкретной подростковой придурью в мо-

лодой и потому бестолковой голове. Именно сейчас у него, похоже, приключился «заскок» на сопротивлении «жестокости полиции» и мелком бытовом вандализме.

Ох, елки! Вот ведь все-таки талантище у парня! Его бы энергию – да в мирных целях! Морда жирного хряка в форменной полицейской фуражке, нарисованная краской из баллончиков на «слепой» торцевой стене ателье старика Коэна, была настолько неприятна, что аж самому захотелось в нее смачно харкнуть. Ну, и надпись «А.С.А.В.»³, разумеется, куда ж без нее? Хотя, вот это – откровенно скажем, зря. Лучше б ты, малыш, опять полуобнаженных длинноногих красоток в чисто символического размера доспехах намалевал. Тех добрая половина патрульных с явным интересом разглядывала, а кое-кто даже на камеру портативного коммуникатора фотографировал. «На долгую и вечную память». За пубертатные фантазии тогда пришлось только из кармана родителей перекраску стены оплатить, а вот такой «гражданский протест» – это уже хулиганство. Влепит тебе судья Хендерсон часов этак сорок исправительных работ, и будешь в компании похмельных шахтеров, карманников и мелких кабацких аферистов мусорные баки на окраинах Старого Города чистить. Ну, и краску, плюс малярные работы твой отец, понятное дело, снова оплатит, не без этого. И штраф.

– Ужасно, мистер Коэн, просто ужасно, – фальшиво посо-

³ А.С.А.В. – аббревиатура, расшифровывающаяся как «All cops are bastards» – «Все полицейские – ублюдки»

чувствовал я портному. – Поверьте, займусь этим вопросом сразу же по прибытии на службу. Незамедлительно.

– Не забудете? – с подозрением косит на мою каменную рожу старый еврей. Видать, чувствует глубоко скрытую иронию.

– Ну что вы, мистер Коэн, как можно? Первым делом, еще до просмотра оперативной сводки!

– Хогошо, – отпускает меня с миром портной.

С противоположной стороны улицы довольно скалится со здоровенного рекламного щита во все тридцать два фарфоровых зуба Джонас Чейни – самый титулованный игрок в гольф в обитаемой части Галактики. «Минеральная вода «Фурье» – выбор успешных!» Ага, и расценки настолько «конские», что я ту воду, в комплекте с господином Фурье лично, видал в гробу и в белых тапках! Моего месячного жалования, дай бог, чтобы на ящик из двадцати бутылок хватило. И для кого, спрашивается, они этот плакат в нашем районе повесили? Или целенаправленно пролетариат злят и классовую ненависть в нем вызывают? Тогда – не с той стороны зашли: местный пролетариат все больше виски да бурбоном интересуется, самые продвинутые – русской водкой. А минералка «Фурье» им глубоко безразлична.

– Доброе утро сержант! – вежливо прикасаюсь я к шляпе, подходя к стойке дежурного на входе в участок.

Сержант Энкус О'Хара, служивший в полиции вместе с моим отцом еще тогда, когда я в колыбели пытался научить-

ся самостоятельно садиться, приветливо кивнул.

– Приветствую, Нэйтан. Как дела?

Ну, собственно, Нэйтан – это я. Старший детектив отдела тяжких и особо тяжких преступлений Управления полиции Старого Города Нэйтан Райан – к вашим услугам. Пол, как вы уже, надеюсь, догадались, мужской. Возраст – тридцать четыре года по стандартному исчислению. Рост – шесть футов и три дюйма⁴, вес – двести двадцать фунтов⁵. Друзья зовут кто Нэйтом, кто Натом... Порой, бывает, даже Натти, но это – исключительно для девушек, молодых и привлекательных. Для остальных – старший детектив Райан. Можно просто «сэр», не обижусь.

– Все отлично, сержант. Да, кстати, по поводу хулиганства и бытового вандализма сообщение было уже?

– Нет, – он отрицательно мотнул крупной головой на все еще мощной, совсем не стариковской шее. – Что, снова младший Ричардс шалит?

Да уж, для сержанта Стивен – именно что Ричардс-младший, потому как О’Хара в свое время и его ныне вполне законопослушного отца за ухо в участок приводил за мелкие кражи в магазине. Сам когда-то рассказывал.

– К сожалению, уже не просто шалит, – вздыхаю я. – Там разные надписи для полиции нелицеприятные... Короче, чистая «двадцать пять точка три».

⁴ 6 футов 3 дюйма – 190,5 сантиметра

⁵ 220 фунтов – 99,79 килограмма

– Даже так? – хмыкает О’Хара. – Надо же, растет наш мальчик! Уже до хулиганства дорос. Опять стене Коэна досталось?

Дождавшись утвердительного кивка, начинает быстро вслепую, не глядя, молотить пальцами по клавиатуре стоящего перед ним стационарного коммуникатора.

– Отправил туда свободный патруль. Думаю, Ричардс-старший в свой офис не уехал еще. Вот пусть и порадуетса за сына. Заодно и на повестке в суд распишется.

– Как у нас тут? – смена у дежурного по Управлению начинается на час раньше, чем у остальных, сержант уже принял дела у предшественника и точно в курсе всех событий.

Конечно, можно и журнал регистрации заявлений и учета происшествий на своем служебном «комме» в офисе просмотреть, но с сержантом поболтать – всегда интереснее. Он расскажет и подробнее, и красочнее, да еще и пару «похожих случаев» из своей богатейшей практики припомнит.

– Мелочевка одна. По твоему направлению – спокойно все. Вот завтра утром точно будет чего рассказать.

– У меня сегодня суточное дежурство, – невесело улыбаюсь и развожу руками я. – Завтра утром и сам смогу рассказать кому-нибудь что-нибудь интересное.

– Что есть, то есть, – соглашается сержант. – Суббота – это всегда весело.

Надо же, сегодня я в отдел пришел не первым. За своим рабочим столом уже обосновался Хавьер Бланка. Детек-

тив Бланка у нас в отделе пока ходит в статусе «новобранец необученный, только из Академии». Нет, паренек хваткий и неглупый, но теория в Академии (или даже производственная практика на Новой Аризоне или еще какой-нибудь приличной планете поближе к центру Конфедерации) – это одно. Реальная пьяная поножовщина или разборки мелких уличных шаек в припортовых кварталах – совсем другое. Но, думаю, толк из парня выйдет. Настырный.

Впервые увидев его симпатичную (да чего уж там, будем честными – откровенно смазливую) мордашку и подкачанную в фитнес-зале фигуру я ему, не стану врать, дал примерно две недели. Видно же – приличный мальчик из небедной столичной семьи. Такие в нашем захолустье долго не задерживаются: Булыжник – это вам не оранжерея для нежных цветочков. Тут все просто и грубо. Домашние мальчишки у нас, словно рыбки гуппи в аквариуме с пираньями – долго не живут. Зачем они вообще к нам прилетают? Думаю, дело в льготной выслуге год за два и ореоле фронта. Ну, да, окраина обжитых миров, форпост человечества. К тому же, до демаркационного пояса с янки – рукой подать. Почти что Техас Старой Земли веке в девятнадцатом. Место, где закону служат отважные, суровые и brutальные рейнджеры, которым сам черт не брат. Служба у нас – такая ступенька, что может стать вполне «прыгучим» трамплином в карьере, если правильно разыграть карты. А голова у Хави, несмотря на внешность главного героя девичьих сериалов, что так люби-

ла подростком смотреть Вики, по внутреннему содержанию – явно не кочан капусты...

Так вот, касательно нашего мексиканского мачо я здорово ошибся. Трехмесячный стажерский испытательный срок у него практически истек, а желания бросить все и сбежать назад к богатенькому папе на Новую Аризону он так и не проявил. Хотя вижу, что порой ему от наших реалий несладко. Но – держится. Упорный он, и гордый. Похоже, пытается семье доказать, что способен все сделать сам. По крайней мере, в широком швырянии деньгами Хавьер не замечен. Явно живет на стажерскую зарплату. У нас, правда, хватает разных доплат: за сложность-напряженность, за переработку... Словом, даже новички-стажеры не бедствуют и с хлеба на воду не перебиваются. Но, все равно, особо не пощикуешь. Вот Бланка и не шикует. Хотя видно – привык парень к совсем другой жизни. Так что, толк из него явно выйдет. А там, глядишь, лет через пятнадцать-двадцать и присядет наш Хавьер в уютное кресло начальника полицейского департамента какой-нибудь вполне приличной, давно и прочно обжитой планеты. И, очень может статься, что далеко не самый плохой начальник из него получится.

Сейчас прибывший в Управление раньше всех Бланка сидит в дешевом офисном кресле за своим рабочим столом, листает какой-то журнал и прихлебывает из белого пластикового стаканчика отвратительную бурду, которую вместо кофе впаривает всем желающим здешний кофейный авто-

мат. Лично я с момента приобретения нормальной кофе-машины «казенный» кофе стараюсь не пить вообще. У меня от него изжога. А Хави – по барабану. Молодой, здоровье пока и не такое позволяет. Таким как он – «Na halyavu i hlorka – tvorog». Ага, еще один зубодробительный русский афоризм от Влада, привет из не такого уж и далекого, но все же прошлого.

– Ола, Хави! – приветствую молодого коллегу взмахом руки и закидываю шляпу на свой стол. – Что пишут? Поп-звезда Бамбина все-таки разводится со своим муженьком-наркоманом?

– Странные у вас интересы, господин старший детектив, – ехидно хмыкает Бланка и демонстрирует мне обложку журнала. – Уж не знаю, на кой черт вам сдались та Бамбина и ее наркоша, но лично мне на подобные «новости» – наплевать.

Ого, надо же – «Независимый военный вестник»! Хави продолжает расти в моих глазах! Солидное издание, из тех, что в свободной продаже, а не под грифами секретности самых страшных степеней, пожалуй, наиболее авторитетное.

– Достоин, – абсолютно серьезно выражаю я одобрение коллеге. – Что интересного?

– Янки, чтоб им пусто было, вплотную приблизились к созданию носимого боевого лазера...

– Да брось, Хавьер, к нему все, кому ни попадая, приблизились уже лет сорок как. А толку? – скептически хмыкаю я.

– Прогресс не стоит на месте, – наставительно поднимает

указательный палец вверх мой молодой коллега. – Та же тяжелая боевая броня еще сорок лет назад тоже в перспективных разработках числилась. А потом, всего-то за десять лет – раз... И уже у всех на вооружении. Так и лазеры. На линкорах космофлота ведь стоят. И у нас, и у янки, и у русских...

– У линкоров космофлота, дружище, по два атомных реактора на борту. И по двухтонному аккумулятору на каждый излучатель... И при всех этих красотах, напомнить тебе, какая у тех линкоров боевая скорострельность?

– Зато мощь какая! – не сдается Хавьер.

– Ты как ребенок, – улыбаюсь я. – Лишь бы жахнуть как можно сильнее и громче... Все равно, пока не изобретут достаточно мощного источника питания весом хотя бы в полсотни килограмм – старое доброе нарезное со сцены не сойдет. А до этого, похоже, еще очень далеко. Взять ту же тяжелую броню. Ведь, еще в конце двадцатого века над первыми прототипами экзоскелетов для нужд армии работать начали. А до ума довели когда? Сам сказал – три десятка лет назад. И это при том, что броня энергии один черт потребляет чуть больше карьерного проходчика... Что уж говорить про боевой лазер...

Хавьер не ответил, но явно остался при своем мнении. А я в его глазах теперь, точно, законченный старый пер... ретроград. Честно – не понимаю я его в этом вопросе. Кому и на кой черт те лазеры в атмосфере сдались? Пуля пистолета или штурмовой винтовки, отправленная в полет хоть

зарядом старого доброго бездымного пороха, хоть более современным ЖМВ⁶ – по-прежнему делает свое дело быстро и надежно. Бронежилеты? Ну, они, во-первых, далеко не у всех есть, а во-вторых, толщину пластины до бесконечности увеличивать невозможно – пределы носимого веса никто не отменял, даже с учетом возможностей только что упомянутой боевой брони. А вот энергия пули патрона с жидкостной взрывчаткой возросла существенно... На мой взгляд, огнестрельное оружие еще долго позиций своих не сдаст. Тот же русский АК-600 взять... Впрочем, что-то отвлекся я.

Хави уже отложил журнал и сидит, упершись локтями в столешницу, с мечтательным видом. Видать, о носимом боевом лазере грезит.

– Спать нужно было дома, Бланка, – с порога, не успев даже толком войти в офис, рывкает лейтенант Рудицки, наш с Хавьером непосредственный начальник.

Вот уж у кого внешность совершенно с должностью не сочетается. Ну, не похож наш лейтенант на копа. Хоть убейте! На кого похож? Не знаю, на какого-нибудь сантехника. Причем, серьезно себя запустившего и во внеслужебное время крепко любящего «заложить за воротник». Вот только внешность, как известно, обманчива. В случае с лейтенантом это утверждение справедливо вдвойне. И в морду он кому хочешь до сих пор зарядить может так, что «оппонента»

⁶ ЖМВ – жидкое метательное вещество, жидкостный аналог пороха, значительно превосходящий его по мощности

в сознание вернет только санитар «неотложки», и голова у него светлая и ум цепкий. Вообще ничего общего с поляками из анекдотов⁷. Жесткий, хладнокровный и чертовски умный мужик. Профи.

– Побежали на брифинг, парни, – энергично дает нам отмашку Рудицки. – Папа лично сегодня ответственный от руководства Управления. А он опозданцев не любит.

Час от часу не легче! Мало того, что рабочая суббота, так еще и капитан Симмонс собственной персоной в ответственных. Та еще, чувствую, будет смена!

⁷ В англоязычных странах анекдоты о поляках занимают ту же нишу, что у нас – анекдоты про чукчей. Разве что в русских анекдотах чукчи добрые и простые, а вот поляки в американских – просто идиоты

Планетоид LV-918 Булыжник, час «Ч» минус 76 часов.

– Нэйт, – только что едва не вывихнувший в могучем зевке челюсть Хавьер вопрошающе смотрит на меня. – Может, пожрать скатаемся? Сам ведь знаешь, еще немного и работы по барам до кондиции дойдут – точно некогда будет.

Пожрать – это можно. Хави прав, еще час – полтора, и до самого утра кусок в горло не полезет. Вернее, не будет ни единой свободной минуты, чтобы этот самый кусок в себя запихнуть. Опять же, есть у нас тут рядом пара вполне подходящих местечек.

– Чего больше хочешь? – интересуюсь я у напарника.

– Бургеры в прошлый раз были, – потирает в раздумьях мочку левого уха Бланка. – Может, по кебабу сегодня?

Кебаб? Хм, а почему бы и нет? С тихим свистом набирает обороты турбина под капотом и наш патрульный кар плавно и почти бесшумно (еще бы нет, сколько часов механики в сервисе Большого Мо нашу «ласточку» перебирали и до ума доводили) откатывает от края тротуара и, набирая скорость, стартует в сторону Син стрит.

– Салам алейкум, детективы! – упитанная, заросшая аккуратной, явно тщательно лелеемой «трехдневной» мачист-

ской щетиной, физиономия Ахмеда, хозяина небольшой, но весьма приличной арабской забегаловки «Халяль», прямо-таки лучится радушием.

– Ола, – дружелюбно делает ручкой арабу Хавьер.

– Добрый вечер, Ахмед, – это уже я.

– Что привело вас, уважаемые, в мое скромное заведение?

Какую помощь могу я оказать стражам закона?

Вот умеют же арабы красиво и витиевато выражаться, а! Любую, даже самую простенькую беседу нороят в цитату из «Тысячи и одной ночи» превратить.

– Да мы, собственно, перекусить зашли, – Бланка с присущей его невеликому возрасту непосредственностью сразу переходит к делу.

– Всегда вам рады, – прижимает руки к груди и слегка склоняет голову Ахмед. – Сегодня у нас отменный плов, да и узбекские манты удались...

– Спасибо, Ахмед, – перехватываю инициативу я. – Но плов кушать нужно в хорошей компании и под неспешную беседу. Нам бы чего попроще. Думаю – донер-кебаб подойдет.

– Вах, господин старший детектив, – нарочито сокрушается араб. – Мне больно смотреть на вас. Так ведь и до пончиков с растворимым кофе докатиться недолго! Но, понимаю, вы спешите. Служба... Сделаем вам лучший кебаб в городе!

Лучший – не лучший, но какой-нибудь залитой чесночной приправой или соусом «Табаско» тухлятины тут точно

не подадут, в отличие от многих других подобного профиля заведений в районе порта. И дело вовсе не в том, что мы – копы, и кормить нас разной дрянью опасно не только для бизнеса, но и для здоровья. Чего у Ахмеда не отнять, так это принципиальности в подборе поваров и закупке продуктов. Кебаб на самом деле отличный: нежное, тающее во рту мясо, сочные овощи, в меру острый соус. Покончив с порцией, вытираю жирные от мяса губы салфеткой, благодарно киваю хозяину и иду на выход.

Что? Деньги? Эээ... Как бы вам помягче объяснить, друзья мои. Ни один мелкий торговец снедью в районе Син стрит у копа денег попросить и не подумает. Коп – это коп, а уж пара детективов из отдела тяжких и особо тяжких преступлений... С нами предпочитают дружить, зная, что планета, даже такой убогий спутник, как наш Булжник, всегда имеет форму чемодана. И достать из этого чемодана можно исключительно то, что сам же в него и положил чуть раньше. Кто, в случае чего, не позволит пьяным в дым пролетариям устроить в заведении драку? Кто отыщет и заставит хулигана без всяких судебных проволочек возместить стоимость разбитой им витрины? Кто рыкнет на мелковозрастную шпану, что обожает рисовать на витринах, стенах и входных дверях свои убогие теги и граффити? Кто, случись что-то серьезное, прикроет от наезда гангстеров рангом повыше уличной шелупони, решивших взять «под крышу» еще одного мелкого коммерсанта? То-то и оно... И плевать на тощего, как жердь,

с рожей профессионального язвенника, начальника отдела внутренних расследований лейтенанта МакБрайта. Ага, «А не имеется ли тут, уважаемый коллега, признаков коррупционной составляющей?». Имеется, кто ж спорит! Вот только по поводу коллег – очень сильное заявление: пока одни убийц, грабителей да насильников ловят, перемежая это богоугодное дело помощью патрульным в отлове разной шушеры калибром помельче, другие – в тихом кондиционированном кабинете сидят, и эти самые «коррупционные проявления» в работе первых ищут. А потому – иди... те-ка вы, «уважаемый коллега»!

– Ахмед, как обычно – выше всяких похвал, – закатывает глаза и причмокивает Хави.

Он, в отличие от меня, кроме донера еще и порцию шаурмы «на вынос» с собой урвать успел. Причем, «полицейскую» порцию. Ну, знаете, такую... Кхм... «Диетическую», в общем. Ту, после употребления которой можно сразу смело садиться на диету. Ага, в два слоя лаваша заворачивать пришлось, первый не выдержал веса начинки, лопнул. Но Хави ест порой – будто не в себя. «Zheludok» и «proglot», как любил выражаться Влад. Правда, тогда речь шла о вашем покорном слуге, но... Давно это было...

Теперь наш молодой и растущий организм мексиканского происхождения сидит на переднем пассажирском сиденье, жрет шаурму и просто лучится добродушием. Надолго ли? Суббота, чтоб ее! Без приключений точно не обойдется.

Все, наконец, и с шаурмой покончено. Вид у оттирающего влажной салфеткой с пальцев и подбородка жир Бланки малость осоловелый. Видимо – переоценил свои силы, но выбросить недоеденное в ближайший мусорный бак не позволили принципы. Ага, Хави у нас еще и принципиальный. И, похоже, чересчур мечтательный...

– Скучно... Прикинь, Нэйт, – смеживает он веки, явно что-то там себе представляя. – Вот вызовут нас сейчас, мол, подозрительные шум и крики в районе старых доков. Мы – туда... Врываемся в какой-нибудь заброшенный ангар, а там – банда. Конкретная такая, злобная... с пушками, ага... Ну, мы, понятное дело – валим их всех...

– И кого валить собрался? – прерываю высокий полет фантазии напарника приземленный донельзя я. – Большого Мо? Долгополого Тима?

– Да ну тебя! – обиженно фыркает напарник, уже успевший на зубок выучить «теневую иерархию» Булыжника, у нас это для новичка – первое задание, а то попадет по неопытности, как кур в ошип. – Вот даже помечтать не даст! Ну, пусть это какие-нибудь залетные гангстеры будут... Не знаю, китайцы с Лаоры или итальянцы с Малой Тэрры...

Представив себе, чем могло бы закончиться появление таких вот «залетных» на Булыжнике, я едва удержался от скептического смешка. Да в районе старых доков все горело бы от края и до края. А сверху, по всему, что еще могло шевелиться на земле, лупили бы на поражение из всех имеющих-

ся в наличии стволов, включая бортовую крупнокалиберную спарку тяжелого полицейского коптера «Робинсон», парни Команданте.

Хави приезжий, да и слишком молод он, в отличие от меня, гангстерских войн четвертьвековой давности не помнит, и помнить не может. А я, хоть и был тогда совсем сопляком – помню. Имеется причина. Личного характера. И уж точно помнит те времена сержант О’Хара, который тогда простым патрульным был. Вместе с отцом...

Словом, не сунется сюда никто пришлый, иначе и Большой Мо, и Тим, за любовь к винтажным «ковбойским» плащам-пыльникам из натуральной кожи, прозванный Долгополым, мгновенно забудут о приобретенной за последние пару десятилетий респектабельности и снова станут сами собой – жестокими и беспринципными хищниками. И нам тоже придется забыть о мелких гешефтах и разных небольших услугах, оказываемых друг другу, и тоже стать теми, кем мы все же являемся – охотниками. Охотниками на тех самых хищников. И чертов Булыжник, как и двадцать пять лет назад, запыляет ярким пламенем и утонет в крови. Но новой войны никто не желает, и потому все останется как есть.

– Во-о-от, – продолжает мечтать Хавьер. – Мы с тобой, понятное дело, всех валим...

Ну да, с твоей-то вечной слабенькой «С»⁸ по стрельбе...

⁸ Система оценки знаний в учебных заведениях англоязычных стран – буквенная и отличается от принятой у нас пятибалльной цифровой. «С» – аналог на-

(Похоже, единственная «ахиллесова пята» нашего Бланки – огневая подготовка, ну, никак у него с пистолетами не ладится). Завалит он всех... Ага, держи карман шире! Глазками в заведении Вики ты, юноша, стреляешь куда лучше, чем из табельного «Ската». Вики сколько раз рассказывала, мол, на стажера вашего половина девочек слюни пускают, аж кпяток по ляжкам брызжет.

– А в задней комнате – заливается певчей птицей этот фантазер, – связанная Эйнджел Лима!

– Кто? – я чуть воздухом от неожиданности не поперхнулся.

Губа у моего молодого товарища явно не дура. «Плейбой плеймейт» прошлого года... Однако!

– Хави, ты ври – да не завирайся! Чего бы она на нашем богом забытом куске камня забыла?

– Да какая разница?! – прерванный «на самом интересном» мечтатель возмущен до глубины души. – Турне у нее, например! Во-о-от, а рядом с ней – чемодан. Здоровенный такой. А в нем – миллион.

Угу, миллион... А чего ж тогда не два – как раз пополам на двоих раскидать проще будет.

– Точно, Хави, – сделав серьезное лицо, поддакиваю я. – А сверху на пачках бабла – два огромных мотка русской изоляционной ленты. Синей такой.

– Зачем? – явно не понял меня Бланка.

– Рожу тебе перетянуть, чтобы по шву не треснула! – хочу в голос я.

Хавьер только собирается мне ответить, причем – явно что-то недоброе сказать хочет, по глазам вижу, но... Наш диалог прерывает сигнал вызова.

– Ноль четыре – два, ответьте Базе. Ноль четыре – два – Базе. Прием.

«Ноль четыре – два» – это мы... Все, спокойный субботний день закончился, началась трудная ночь. И сразу с чего-то серьезного. По мелочам, вроде художественных выкрутасов Стивена Ричардса, патрульным из Управления текстовые сообщения скидывают. А вот если голосовой вызов – значит, шутки кончились, толком не начавшись.

Цепляю на ухо клипсу гарнитуры мобильного коммуникатора.

– На связи ноль четыре – два. Прием.

– У нас «четыре – десять» за баром «У Мэгги». Как принял? – в голосе О’Хары слышны нотки сочувствия.

Ну, да, неопознанный труп с признаками насильственной смерти – просто отличное начало вечера, чего уж там!

Включаю проблесковый маяк и сирену: движение к вечеру уже довольно плотное, а у нас – служебная необходимость. Так что, дамы и господа, придется слегка посторониться...

Вот в такие моменты я дико жалею, что живем мы на теплом Булыжнике, а не на каком-нибудь Сером Фьорде, где

среднегодовая температура едва дотягивает до плюс трех по Цельсию. У нас – не так, у нас климат ближе к субтропикам. Тепло и влажно. И из-за этого порой приходится видеть нечто подобное.

Тело лежит в проржавевшем до дыр коробе давно не работающего коллектора старого, времен освоения планетоида, атмосферного процессора. Давно лежит. Наверное, пару суток, не меньше. Точнее скажет коронер. Но по оттенку бледно-серой кожи и количеству трупных пятен, я и без него на глазок могу прикинуть. Благо, света занимающего чуть не две трети неба Камироса, газового гиганта, вокруг которого и нарезает круги наш Булыжник, вполне хватает даже для чтения не сильно мелкого газетного шрифта.

Откровенно криминальная причина смерти сомнений не вызывает: короткий, кислотно-желтый топ девушки буквально колом встал от пропитавшей его, а потом засохшей крови. Лицо убитой прикрыто какой-то рваной тряпкой. Мда, хорошо еще, что наш Булыжник – всего-навсего терраформированный, ранее безжизненный планетоид, крупная луна, одна из сотен, вращающихся вокруг газового супергиганта. Своей экосистемы тут никогда не было, а «заезжих» паразитов, вроде тараканов, мух, мышей и крыс, время от времени прибывающих к нам с других, менее везучих в этом отношении планет и лун, успешно изводит под ноль санитарная служба. И поэтому вид у тела относительно пристойный (насколько вообще может быть «пристойным» вид мертвого

тела совсем еще молодой и, скорее всего, судя по фигуре, бывшей при жизни весьма миловидной, девушки). А были бы у нас тут вечно голодные и готовые жрать все подряд крысы и мухи с их личинками – все смотрелось бы еще непривлекательнее. Хотя, как я уже сказал, и без того выглядит чрезвычайно паршиво. И пахнет... Собственно, только из-за запаха тело и обнаружил привезший в забегаловку кеги с пивом экспедитор. Просто так, ради интереса лезть в узкий, грязный и пыльный короб коллектора атмосферника, заброшенного уже лет сорок как, никому бы и в голову не пришло.

– Ну, что, детектив Бланка, приступайте к составлению протокола первичного осмотра места происшествия, – сделал я приглашающий жест.

– И почему я? – Хави сейчас точно жалеет не только о добавочной порции шаурмы, но и об ужине в целом. Я же говорю – молодой он у нас еще, зеленый.

– А потому, господин детектив-стажер, что у меня в должности имеется слово «старший». И годами я постарше тебя буду. И костюм у меня куда дороже.

Да уж, встрял Хавьер. И деваться ему – некуда, dedovschina, равно как и колесо, вопреки утверждениям Влада, изобретены все же не только русскими. У нас ее, разве что называют слегка иначе. Но принцип тот же: самая грязная работа – на молодых.

Быстро и тихо бормоча себе под нос по-испански что-то весьма экспрессивное, и, судя по проскочившим словечкам

puta и mierda⁹ – явно не пожелания долгих и счастливых лет жизни, Хави пригнувшись, забирается в проржавевшее и заваленное разным мелким хламом нутро короба. В том, что он не напортачит и важных улик не затопчет, я уже убедился. Правда, в прошлый раз обошлось без трупа, потерпевший выжил, но на месте преступления работал Бланка, пусть и медленно (новичку простительно), зато аккуратно и обстоятельно. Похоже, оценка «В+» в графе «Основы криминалистики» его диплома – заслуженная.

– Эй, господин старший детектив, – прерывает мои мысли усиленный и слегка искаженный жестяными стенами коллектора голос Хавьера. – Будьте столь любезны, одолжите-ка младшему коллеге коллоид.

Времена, когда бедолаги-копы очерчивали контуры тела кусками мела – давно канули в Лету. Сейчас у нас для этих целей имеется специальный коллоид в баллончиках, напоминающих аэрозольный распылитель, только с коротким заостренным жалом-носиком. Хорошая штука, кстати. Ложится на любую твердую (ну, или относительно твердую) поверхность, не боится ни дождя, ни сырости, ни даже слабого открытого пламени, и удаляется только специальным реагентом.

– А свой куда дел?

– В другой куртке забыл, – смущенно гудит голосом Хавьера коллектор.

⁹ Puta, mierda – грубые испанские ругательства

Понятно... Перехвалил я молодого. По мелочам все равно пока косячит.

Приняв у меня баллончик, Хавьер включает мощный фонарик и лезет вглубь короба.

– Вот же ж твою мать! – доносится до меня буквально через несколько секунд.

– Что такое, Хави?

– Нэйт, я ее знаю.

Кого именно «ее» уточнять смысла не имеет, в захламленном коробе сейчас только Хавьер и мертвое женское тело.

– Уверен? – на всякий случай уточняю я.

– Абсолютно. Ты, кстати, скорее всего, с ней тоже знаком. Это Мэнди.

– Твою ж мать! – повторяю я следом за молодым напарником.

Марию Уиллоу, симпатичную зеленоглазую хохотушку-блондинку, обожающую прическу в виде двух слегка дурашливых, но очень милых хвостиков, перетянутых тонкими красными ленточками, я знаю отлично. Двадцать три года, не привлекалась, род занятий – исполнительница экзотических танцев, сценический псевдоним – Мэнди, место работы – бар и мужской клуб «Золотые куколки»... Она была одной из танцовщиц в заведении Вики... И ее кто-то убил.

– С причиной смерти понятно что-нибудь?

– Нет, – глухо отзывается Хавьер, и я вспоминаю, что у них, вроде, намечалось что-то похожее на взаимную симпа-

тию. — На открытых участках тела серьезных ран нет, только мелкие ссадины, похоже, от волочения.

— Тогда заканчивай с «первичкой», обозначай контур тела, фиксируй все на коммуникатор, зарисовывай схему и выбирайся. Будем ждать следственную группу и коронера.

Хави мне не отвечает. Оба понимаем, сказано оно чисто для проформы, он и так отлично знает, в чем сейчас состоят его обязанности. Просто я — старший детектив, он — детектив-стажер... Положено мне давать ценные указания, даже если в них нет особой необходимости. Ладно, пусть работает, а я пока помогу патрульным отогнать уже начавших собираться зевак. Этим, как обычно, даже светоотражающая желто-белая полицейская лента, ограждающая место происшествия, не указ. Прут, как на буфет. Никогда не мог в этом вопросе понять наших добропорядочных обывателей. Что вы все, родные мои, так любите рассматривать в таких случаях? Что тут такого красивого и интересного?

Минут через десять, озаряя темный переулок синими всполохами проблесковых маяков, прибыла машина следственно-оперативной группы, а следом за ней, отстав на какие-то пару десятков секунд — минивэн коронера. У нас тут и без того было узковато, а уж теперь и совсем тесно стало. Один плюс — зевак из переулка, будто зубную пасту из тюбика, выдавило назад, на Син стрит.

— Что тут у вас, Райан? — поинтересовался подошедший ко мне коронер Управления Дэнни Чен, флегматичный и ка-

кой-то вечно сонный кореец, имеющий некоторую склонностью к излишней полноте, которую пытается скрыть, нося широкие и яркие «гавайские» рубахи. Кстати, Дэнни – еще один вполне себе наглядный пример того, что внешность обманчива. Несмотря на несерьезный вид, специалистом Чен был отменным, работать с такими – легко и приятно. Вот если бы сегодня была смена Лазовски... Впрочем, тут скорее имеют место «личные неприязненные»... К работе Гжегоша претензии мало у кого имеются, все больше – к хамоватой манере общения и закидонам из серии «я – непризнанный гений, а все вокруг – не понимающие меня серые бездарности». С ним разве что наш Рудицки нормально общаться может. Ага, типа, земляки. Братья по разуму. Но если на его загоны не обращать внимания и ограничить общение исключительно рабочими вопросами – то и с Гжегошем Лазовски можно вполне плодотворно сотрудничать. Просто делать это с Ченом – гораздо приятнее.

– «Четыре – десять», Дэнни. Внешние признаки указывают на насильственную смерть, но окончательных выводов ждем от тебя.

– А чего насупленный такой?

Видимо, хорошим игроком в покер мне не быть никогда – настрой мой Чен вычислил сходу.

– Знаком с убитой. Она в клубе у Вики танцевала. Двадцать три года, девочка совсем.

– Ясно...

Особого сочувствия в голосе Дэнни не слышно, но это не потому, что он плохой или жестокий человек. Это, дамы и господа, та самая пресловутая «профессиональная деформация личности», о которой на каждом психотренинге соловьями поют наши штатные «мозгоправы». А куда от нее деваться? Вон, взять Чена. Почти двадцать из сорока прожитых лет (вдумайтесь – половину жизни!) человек проводит вскрытия и устанавливает причины смерти. Которые минимум в половине случаев оказываются насильственными. Откуда там взяться состраданию? С состраданием при такой работе недолго и в «дурку» загнать. Вот и остается только из всех сил культивировать в себе холодную отстраненность и несколько специфическое чувство юмора.

– Кто «первичку» составляет? – кивает в сторону коллектора Дэнни.

– Бланка.

Кореец почти незаметно, но явно одобрительно кивает. Большинство наших патрульных – парни, безусловно, хорошие, но, к сожалению, на месте происшествия зачастую напоминают слонов в магазине хрусталя. Дэнни по поводу проявленного при составлении «первички» пофигизма периодически устраивает им на разводах не кислые выволочки: небрежно составленный протокол первичного осмотра, равно как и затоптанные тяжелыми казенными ботинками улики, ему работу точно не облегчают. В большинстве случаев, конечно, ничего смертельного, справляемся и так, но в

случаях, подобных сегодняшнему, такая вот безалаберность может обернуться нехорошим. Например – не позволит найти убийцу, или вину его достаточно убедительно в суде доказать. Впрочем, Хави все же не патрульный, он выпускник Академии с Новой Аризоны. С твердым «В», и даже с плюсом, по основам криминалистики. Такой на улику не наступит, следы не затопчет и в «первичке» грамматических ошибок не насажает. Месяца два с половиной назад, Дэнни прочтя первый составленный Хавьером протокол, лишь одобрительно улыбнулся, и сказал, что из юноши со временем точно получится неплохой специалист.

– В общем, Дэнни, вся надежда на тебя. Когда результаты будут?

– Нууу, – задумчиво пожевал губами коронер, – если больше ничего серьезного сегодня не случится – то завтра к обеду будет полный отчет. По «предварилровке» можешь меня набрать часа через полтора – дам минимальную выжимку.

Ничего больше не случится? В субботнюю ночь после шахтерской пересменки? Да уж, оптимизма нашему корейцу не занимать!

Во внутреннем кармане моего пиджака зажужжал-завибрировал завязанный на базовую станцию патрульной машины коммуникатор. Ну, хоть не голосовой вызов – уже хорошо. Второе серьезное преступление в самом начале вечера – это было бы перебором даже для субботы.

Бросаю взгляд на экран и, сплюнув, свистом и взмахом

руки привлекаю внимание уже выбравшегося из коллектора Хавьера.

– Хави, ускоряйся! Скидывай Дэну всю инфу и помчали. У нас «восемь-восемь» в «Каравелле».

Особого энтузиазма на лице напарника не вижу. Впрочем, и сам его не испытываю. Пьяная драка в баре. Что субботним вечером может быть банальнее? Но ближайшие экипажи – или те самые патрульные, что сейчас не пускают зевак вот в этот переулок, или мы. Причем, если мы уже закончили, то парням тут торчать до самого отъезда опергруппы. Так что, выбора у нас и не было. Поедем разнимать драку. Зато от «Каравеллы» до «Куколок» – пара кварталов. Разберемся с дебоширами и поеду к Вики, снимать показания.

Почему эта дешевая (и, как следствие, не шибко чистая и уж точно не самая спокойная) припортовая забегаловка называлась именно «Каравеллой» – лично для меня так до сих пор и остается великой тайной. А ведь я местный, в Старом Городе и родившийся, и выросший. Первый владелец тогда еще вполне приличной (по словам О’Хары) «едальни» сгинул в той самой большой разборке, которую я вспоминал совсем недавно. Тогда вообще многих зацепило, включая и...

Впрочем, вам оно, наверное, не сильно интересно. Если коротко: сгинул хозяин, и заведению досталось. Разве что вывеска не пострадала. Ну, новый владелец счел это добрым знаком и не стал менять ни название, ни вывеску. Хотя, на

мой взгляд, как раз последнее было серьезной ошибкой. На художнике первый владелец явно решил сэкономить, и изображенное на щите над входной дверью судно на каравеллу походило мало. Оно было похоже... Да черт знает на что оно было похоже! Тот же Стивен Ричардс нарисовал бы куда лучше. А ведь ему и восемнадцати нет еще. Но – хозяина этот намалеванный на вывеске парусный уродец вполне устраивает, посетителям, похоже, вообще до лампочки, вот и пугает знатоков парусного флота эта калоша под тремя куцыми мачтами. Остается только надеяться, что рано или поздно подгулявшие клиенты этот шалман все-таки спалят... На этот раз – вместе с вывеской.

М-да... А в кабаке все как-то нерадостно. Похоже – что-то не поделили две группы уже сильно «заложивших за воротник» шахтеров. По комбинезонам видно – с разных рудников, а у них отношения между собой традиционно напряженные. Одна группа – многочисленнее, зато вторая – заняла в зале стратегически выгодное положение между стеной и стойкой бара, да еще и баррикаду из столов перед собой выставила. Первые, судя по обильно залившей пол крови и нескольким постылающим у стен раненым, в штурме не преуспели. А вторым нужно прорваться к выходу... Вот такая патовая ситуация... И пьяны все уже изрядно, словами успокоить, похоже, не получится. А хотелось бы обойтись без стрельбы в потолок (начальство лишнего, по его мнению, расхода боеприпасов не любит) и без вызова парней Коман-

данте.

О, а вот это уже хорошо! Среди лидеров первой группы, той, что больше, вижу Роба Донована. Принимали мы его пару раз за драки, он меня должен помнить.

– Так, мистер Донован, и какого черта тут творится? – рычу я на бородатого здоровяка в светло-синем рабочем комбезе Пятой шахты.

Донован, по всему видно, сначала хотел вопрошающего (ну, в смысле меня) отправить в далекий пеший эротический тур, но вовремя обернулся. Еще до того, как роковые слова были произнесены. Забавно порой наблюдать за мгновенной сменой выражения чьего-то лица. Вот буквально только что явно послать собирался в грубой форме, и даже рожу соответствующую соорудил... Зверскую. А тут – такая приятная встреча! По крайней мере, именно эти эмоции он срочно пытается на своей пьяной физиономии изобразить.

– Эээ... господин старший детектив, сэр! Добрый вечер!

Ну, надо же! «Господин старший детектив», «сэр»... Помнится, при первой нашей встрече я был «долбанным козлом» и «чертовым фараоном». А во время второй Роб особо не разглагольствовал, зато активно пытался уточнить, не были ли результаты первой встречи случайностью. Да, закономерность итога я ему тогда доказал более чем убедительно. Видимо, третий раз искушать судьбу Донован даже не планирует.

Скептически обвожу взглядом напоминающий палубу по-

сле абордажа зал «Каравеллы».

– Вы всерьез считаете все это, – одновременно киваю и на лужи крови на полу, разбитые головы лежащих у стены шахтеров, и перевернутую и поломанную мебель, – добрым вечером?

Донован изо всех сил строит на лице максимальную законопослушность и полную готовность сотрудничать с правоохранительными органами.

– Так это не мы начали, сэр! Это все эти чертовы безбожные язычники с «восьмерки», клянусь вам святым Патриком! – прижав обе внушительного размера лапы к сердцу, горячо вещает здоровяк-шахтер.

Так, судя по упоминанию покровителя Ирландии и религиозным мотивам – схлестнулись тут, скорее, по национальному признаку. Интересно.

– Ни один чертов немец, и уж тем более – трижды проклятый русский не посмеет указывать ирландцу в ирландском пабе! – продолжает горячиться Роб.

Таааак... Nachalos' v kolhoze utro... Если этой маленькой, но явно боевой командой руководит русский – дело плохо. И немцы под его командованием – тоже ничего хорошего. Они мужики крепкие и дисциплинированные, без приказа не отступят. Правда, обычно наши «дойчи» еще и вполне законопослушные, даже в подпитии. Но с русским во главе...

Вот, кстати, интересно: почему именно у русских так легко получается сподвигнуть добропорядочных немцев к со-

вершению разного противозаконного? Или это, и правда, какие-то древние атавистические инстинкты, о которых мне Влад когда-то говорил? И даже очень старый, по его словам, чуть ли не в двадцатом веке придуманный русский анекдот на эту тему рассказывал. Мол, «Тяжело вам, бедолагам, без фюрера»¹⁰... Так это, или не так – не знаю. Но подметил давно: если начали по-крупному, всерьез бузотерить «дойчи» – ищи в зачинщиках русского – не ошибешься.

В любом случае, что-то нужно делать, пока подданные работяги совместными усилиями не разметали многострадальную «Каравеллу» по кирпичику. Нет, как обычный обыватель Нэйтан Райан, я в глубине души «безвременной кончине» этого вертепа только порадуюсь – одной проблемной «точкой» на карте Старого Города меньше станет... Но вот находящийся при исполнении старший детектив Райан ничего подобного допустить в своем присутствии не имеет права.

– Хави, спину подстрахуй, – негромко бросаю я напарнику через плечо и неспешно направляюсь к баррикаде из перевернутых столов. Пола пиджака уже отброшена, не увидать мой жетон детектива сейчас может только слепой.

– Так, джентльмены, брэк! И весовые категории и вас разные, и заведение это для поединков не предназначено!

¹⁰ Русский в Германии стоит на перекрестке. Ждет «зеленого». А светофор сломался. В обе стороны горит красный. И все стоят. И пешеходы, и машины. Пять минут, десять... Пешеходов уже целая толпа, но все стоят... Русский плюнул на все – и пошел через дорогу. Немцы – всей толпой за ним. Перешел русский дорогу, обернулся и вздохнул: «Да уж, тяжело вам, бедолагам, без фюрера!»

Полиция, старший детектив Райан. Предлагаю присутствующим прекратить противоправные деяния и покинуть помещение. Пока предлагаю по-хорошему. Совместно оплатите ущерб заведению, покроете лечение пострадавших и заплатите штраф за нарушение общественного порядка. И на этом все.

– Da hren-to tam!

А, вот и зачинщик нашелся. Этот среднего роста, но крепкий, плечистый молодой мужик с голубыми глазами и соломенной шевелюрой тут явно за старшего.

– Повторяю, пока все можно уладить миром и ограничиться штрафом. Дальше будет хуже.

– Na hren idi! – снова невежливо по-русски отвечает мне он, а потом продолжает уже по-английски пусть и с сильным акцентом. – Эти клоуны с Пятой по-любому не правы: и начали первые, и стол с выпивкой перевернули... Вот они пусть за все и платят!

Стоящие у него за спиной плечом к плечу, будто спартанцы в Фермопилах, «дойчи» поддерживают слова своего предводителя негромким, но дружным и весьма грозным гулом. Рожи у всех – решительней некуда, кулаки крепко сжаты... Да уж, вот тебе и законопослушные...

– Второй и последний раз предлагаю...

– Otvali, svin'ya legavaya! – так, в пьяном голосе теперь слышна неприкрытая агрессия.

Плохо дело, пора это все быстро заканчивать. Пока они

по-новой не завелись и натворили каких-нибудь глупостей вроде сопротивления полиции. Стрелять в этих подданных работяг мне совершенно не хочется... Соображать нужно быстро... И тут русский заводит удачно разворачивается ко мне правым боком и в прорехе на половину оторванного рукава спецовки мелькает весьма характерное и хорошо мне знакомое армейское тату. Решение приходит спонтанное, но, думаю, в данной ситуации – самое верное.

– Botalo podvyazhi! – едва не забуксовав с отвычки на этом совершенно ужасном русском звуке «жи», рявкаю я на него. – Salaga, mlya!

Пока русский, выпучив в пьяном изумлении глаза, переваривает услышанное, я достаю из кармана связку ключей в ключнице из коричневой кожи и демонстрирую ему... Нет, не ключницу, понятное дело, этот древний подарок Вики ему вряд ли интересен... А вот примерно полуторафутовой длины неширокая матерчатая лента, с косо обрезанными кончиками, которую я вместо цепочки для ключницы использую... Пьяный не пьяный, а бывший военнослужащий Десантных войск российской армии просто не может не узнать этот предмет. Обязан знать, иначе не десантник он, а крыса тыловая, втихаря себе крутое тату сделавшая. А с тыловой крысой я уж как-нибудь справлюсь.

Ого, как его проняло! К выпученным глазам теперь еще и удивленно отпавшая челюсть добавилась. А я неспешно, слегка рисуясь, разворачиваю ленту так, чтобы он смог без

труда прочесть написанное на ней слово. Это название он тоже знать просто обязан. История была громкая и как раз в пору его юности, когда такие как он, задиристые и крепкие парни, службой в спецподразделениях бредят. Русский произвольно сглатывает.

– И учти, сынок, – уже на английском продолжаю я, – это – не сувенир. Сам знаешь, такое в армейских сэконд-хендах не продают.

А то, такое вообще нигде не продают. И это он тоже отлично знает.

– А не врешь? – спустя несколько секунд изрядно протрезвевший русский предпринимает последнюю попытку сохранить лицо.

– Тебе весь экипаж пофамильно перечислить? – будто сквозь прицел холодно и отстраненно смотрю ему точно в переносицу, прямо между глаз.

Еще минуту назад уверенный в себе и буйный во хмелю крепкий мужик, бывший десантник, только неуверенно головой отрицательно мотает.

– Не, не нужно... Прошу прощения, не знал, лишнего наговорил, товарищ... товарищ?..

По взгляду вижу, пытается звание угадать.

– Уже давно просто «господин старший детектив», можно – «сэр».

– Понял, – с очумелым видом кивает русский. – Понял, сэр...

Чего он там для себя понял – я не знаю. Возможно, приняв за глубоко законспирированного и внедренного агента... Чего только людям с пьяных глаз не мерещится...

– Ну что ж, – оборачиваясь к Доновану и Хавьеру тяну я, – Полагаю – инцидент исчерпан. Все затраты на ремонт помещения и лечение пострадавших, плюс административный штраф, делим пополам между обеими бригадами. Сейчас детектив Бланка соберет ваши Ай-Ди¹¹...

Да уж. Оказывается сильно изумленных людей сейчас в «Каравелле» трое: к русскому прибавились еще совершенно ошалевший от происходящего Донован, и мой собственный напарник. Который явно пытается сообразить, что это за ленточка такая, одним видом своим способная утешить пьяного и явно готового помахать кулаками дебошира. И, похоже, прикидывающий, где что-то подобное раздобыть ему. Эх, молодой-зеленый,! Это не просто ленточка... Это тявочка¹². Причем, тявочка очень непростого подразделения, базирующегося на широко известном в узких кругах боевом корабле. Корабле русского военно-космического флота. И чтобы заполучить такую, нужно было через очень многое пройти и очень многое пережить. Впрочем, вряд ли я ему об этом когда-нибудь расскажу...

¹¹ Ай-Ди (ID) – документы, удостоверяющие личность

¹² Тявочка (сленг) – примерно полуметровой длины очень прочная матерчатая лента, которой парашютисты зачековывают контейнер с куполом основного парашюта. Также является сувениром, а иногда, и таким «маячком», опознавательным знаком для своих

Даже на уgomонившихся и покорно сдавшихся на милость правосудия (в наших с Хавьером лицах) шахтеров уходит еще почти полтора часа. Вызвать «неотложку» для пострадавших, собрать у всех ID и «откатать» их на считывающем устройстве. Составить типовой протокол по факту административного правонарушения, распечатать и раздать всем участникам... В общем – не на пару минут работенка. Под конец непривычный пока к таким «массовкам» Хавьер чуть не подвывал.

– Да что ж такое? – в сердцах шипит он сквозь зубы. – По космосу летаем, другие планеты освоили, и только дело-производство – будто при царе Хаммурапи... Как все здорово в старых фантастических романах: нанороботы, импланты разные, голограммы... А мы тут перед ЖК-мониторами сидим и по клавишам молотим, будто до сих пор двадцать первый век на дворе...

Это да, есть у нашего Хави безобидное хобби: любит он старинную фантастику. Двадцатый и двадцать первый век. Говорит – тогда еще люди мечтать не разучились и писали с душой. Возможно, я с ним не спорю. В свое время прочел пару книг, что он мне из своего богатого архива сбросил... Неплохо, но и только. Сейчас ничуть не хуже пишут.

– Это все потому, Хави, – я наставительно поднял вверх указательный палец, – что твои любимые древние фантасты даже в ночном кошмаре не могли себе представить, сколько

денег, ресурсов и человеко-часов рабочего времени уходит на разработку и изготовление хотя бы одного атмосферного процессора для терраформирования всего одного несчастного куса космического камня, вроде нашего Булыжника. И хотя бы на один космический корабль, который тот процессор сюда доставил. Если бы знали и могли посчитать, резко бы умили свои фантазии. При таких затратах на что-то действительно важное, на прочую мишуру, вроде твоих любимых наноимплантов и прочих голограмм просто не остается ни времени, ни средств. Вот, может, лет через сто...

– Мне уже все равно будет, что там через сто лет навывдывают, – тяжело вздыхает Бланка. – Мне сейчас работать...

Ну, не знаю... Как по мне – так нормально все. По крайней мере, в этот раз задержанные ведут себя тихо и пристойно, не пытаются сбежать или сопротивление оказать – и то хорошо. А ведь бывает и по-другому. Вспомнить хотя бы первые две мои встречи с милейшим и вежливейшим мистером Робертом Донованом...

К «Золотым куколкам» подъезжаем уже далеко за полночь. По дороге успеваю перезвонить в морг и выслушать краткий доклад Дэнни. Ножевое в область сердца, несомненно умышленное... Собственно, что и требовалось доказать... Твою мать!

– Со мной пойдешь? – на всякий случай интересуюсь я у Бланки, хотя ответ мне заранее известен.

Не пойдет. Еще один пробел в подготовке нашего стажера. В Академии учат почти всему, но исключительно в теории. А вот задавать разные (в том числе и весьма непростые и неприятные порой) вопросы близким погибших – это самая что ни на есть практика. И пока у нашего Хави с этим проблема. Он, в отличие от меня, или того же Дэнни Чена, еще не успел стать отстраненным циником. И находиться рядом с людьми, потерявшими родственников или друзей, ему пока очень тяжело. Слишком сильно на него чужое горе давит. Ну, я и не гоню лошадей – привыкнет понемногу. Уже привыкает, просто сегодняшний случай для нас обоих слишком личный.

Понимающе кивнув на отрицательный жест Хавьера, выбираюсь из «патрульки».

– Головой по сторонам крутить не забывай, мало ли...

И это не пустые слова. Смена наша не закончилась еще, субботняя, впрочем, нет, скорее уже воскресная ночь в самом разгаре.

– Понял, – хмурит брови напарник.

В «Куколках» с моего последнего посещения ничего не поменялось: невысокие подиумы с хромированными шестами-пилонами, на которых крутятся, заводя зрителей, исполнительницы «экзотических танцев», толпа пьяных и восторженно ревуших мужиков вокруг... Длинная полированная барная стойка, внушительных размеров батарея разнообразного спиртного на полках позади нее. И Вики, стоящая за

стойкой возле пивных кранов. Музыка, гвалт, пьяные вопли и свист, перемигивание стробоскопов. Нормальная для подобного рода заведений рабочая обстановка...

– О, господин старший детектив, – ехидно улыбается мне Вики. – Вы к нам по какому поводу? Санитарный контроль у нас пройден, лицензия на спиртное – в порядке, у отдела нравов к нам тоже никаких претензий... Да и не ваше это направление... Уж не за взяткой ли? Так я номер отдела внутренних расследований наизусть помню и...

Вики резко обрывается на полуслове. Видимо, по лицу моему уже догадалась, что дежурная шутка про «звонок другу» лейтенанту МакБрайту сегодня успеха иметь не будет. Нет, точно, в покер играть мне и начинать не стоит – проиграюсь в пух и прах.

– Что-то случилось, Натти?

– Случилось, Вики. Убили Мэнди...

Нет, вообще-то характером и нервами она сильная. При таком-то роде занятий. Для молодой и чрезвычайно привлекательной девушки быть барменом в кабаке – при любых раскладах нелегко, а уж если этот кабак, уж давайте называть вещи своими именами – припортовый стриптиз-бар, в котором девять десятых клиентуры – изрядно поддавшие шахтеры, разбавленные летным составом грузовых кораблей... Нет, ясно, что и крепкие вышибалы в заведении имеются, и мой авторитет кое-чего в Старом Городе стоит. Но, все равно, работа у Вики – далеко не сахар. Впрочем, она сама ее

выбрала и вполне неплохо справляется. Обычно. За исключением моментов, подобных вот этому...

Перед клиентурой и персоналом Вики лица не потеряла, жестом подозвала и поставила на свое место сменщика – Джерри, молодого разбитного чернокожего парня. С невозмутимым лицом проследовала в свой офис. И только тут разрыдалась. Да, в «Куколках» ей сталкиваться приходилось с разным, но вот с убийством – никогда. До сегодняшнего дня.

– Вики, ты прости, но есть ряд вопросов, которые я просто обязан тебе задать...

– Да, Нэйт, я понимаю... – всхлипывает она. – Задавай, конечно.

– У Мэнди были враги?

– Да нет, что ты... ее все любили.

Тьфу, твою мать! Если бы за каждый раз, что я слышал эту фразу в адрес убитых, мне давали хоть доллар... Миллионером, возможно, и не стал бы, но на минеральную воду «Фурье» денежки бы водились. И что самое паршивое: в подавляющем большинстве случаев убийца – кто-то из близкого окружения жертвы. Порой даже – тот самый человек, что со скорбной миной произносит эту избитую фразу. Хотя конкретно в данном случае (и мои личные наблюдения тут тоже в общую копилочку фактов хорошо ложатся) я готов с Вики согласиться. Представить, что у Мэнди могли быть враги, способные пойти на убийство – весьма сложно. Опять же по личному опыту должен заметить: любой большой бабий кол-

лектив – будь то стриптиз-бар или, например, средняя школа – тот еще серпентарий. Но Мэнди и правда была девчонкой доброй и незлобивой. Ни разу не припоминаю, чтобы у нее с кем-то конфликт вышел. Но, как бы замечательно все не обстояло всего несколько дней назад, сейчас эта девушка лежит на холодном столе из полированной нержавеющей стали в прозекторской нашего морга. Значит, у кого-то все же были к ней претензии. Причем, настолько крупные, что дело закончилось ударом ножа в сердце.

– Когда ты видела ее в последний раз?

– Позавчера утром. Как раз ее смена закончилась. Поделили «типс»¹³ и она домой умчалась. Выйти должна была завтра, – всхлипнув, Вики взглянула на часы. – Вернее – уже сегодня.

– Как себя вела перед уходом и вообще последние несколько дней? Не было ли у нее каких-то проблем? Может, была чем-то огорчена, сильно взволнована?

Стандартные вопросы в отношении знакомого мне лично человека даже самому кажутся какими-то неуместными, излишне сухими и казенными. Но, действовать по протоколу – моя обязанность. Лучшее, что я сейчас смогу сделать для Мэнди – найди и отправить за решетку ее убийцу.

– Нет, – Вики уже слегка успокоилась и вытерла глаза салфеткой. – Все как обычно.

– Возможно, она что-то скрывала, держала в секрете?

¹³ «Типс» – (англ. tips) чаевые

Нужно других девочек опросить. Вдруг кто-нибудь что-то заметил?

– Нэйт, ты же ее знаешь... – Вики снова непроизвольно всхлипнула. – Знал... Простая девочка – душа нараспашку... Какие у нее могли быть секреты?

Ох, золото ты мое блондинистое, натуральное... Знала бы ты, сколько разных «скелетов» я за свою службу повинылся из «шкафов» вполне приличных, на первый взгляд, людей...

– Так, слушай, заранее прости, но теперь вопрос, который тебе точно не понравится. Но задать я его обязан все равно. Она только танцевала или?..

Ох, как сверкнули ее глаза!

– Нэйтан, мне казалось – ты в курсе, что у нас едва ли не самое приличное развлекательное заведение в Старом Городе, – отчеканила Вики, глядя мне прямо в глаза. – Девочки у нас – исполняют экзотические танцы. И только. Никаких «приватных танцев», никаких задних комнат...

Это да. С тех пор как при некоторой поддержке Долгополого Тима «Куколки», тогда называвшиеся еще «Райскими кущами», сменили хозяина, тут очень многое поменялось. Что не удивительно, учитывая, кто стал новым владельцем...

– Вики, я же сразу извинился. Мне самому неприятно спрашивать такое про знакомого и мне человека, но это – моя работа! Понимаешь? Чтобы поймать убийцу я обязан знать если и не все, то хотя бы как можно больше.

– Я понимаю, – вспыхнувшее в глазах Вики гневное пламя быстро угасло. – Нет, Мария была хорошей девочкой. Раскованной, но не распущенной. За деньги она, насколько мне известно, с мужчинами не спала.

– А с женщинами?

– Нэйт?!!

– Вики, я тебе уже все объяснил. Повторить еще раз? Я ищу человека, который хладнокровно всадил в грудь Мэнди нож, а потом, будто мусор, запихнул ее тело в ржавую жестяную трубу. И я должен этого урода поймать!

– Прости, – Вики хлюпнула носом и снова разрыдалась.

Да уж, в такие моменты я начинаю понимать своего напарника. Даже мне сейчас рядом с Вики находиться тяжело, а ведь у меня уже больше десяти лет службы в отделе тяжких и особо тяжких за плечами... Да и до этого кое-что имелось...

– Так, ладно... У кого из девочек смена уже закончилась, кому к шесту уже больше не идти? Вызывай их сюда, буду с ними беседовать. И секьюрити твои тоже по одному пусть подходят. А сама успокойся пока...

Из «Куколок» я выбрался уже под утро, когда диск Камироза над головой здорово поблек, а из-за его края уже всюду выбиралась Элора – наше здешнее Солнце. До утра провозился, а всей информации – один из вышибал краем уха слышал, что Мэнди вроде как собиралась на встречу с каким-то парнем. Все... В общем – почти пустышка, слабый намек на зацепку. Которую все равно придется отрабатывать, даже ес-

ли в конце концов выяснится, что этот стероидный болван все напутал, и на встречу с парнем собиралась не Мэнди, а Сэнди... Или Кэнди... Черт возьми, в такие вот моменты я свою работу просто ненавижу. Готов бежать, хватать и рвать – а некуда. И некого.

Подошел к машине, в которой бдительно крутил головой по сторонам Бланка. Впрочем, думаю, где-то почти час, как бдительность его была ни к чему. Син стрит уже не бурлила, как всего несколько часов назад. Да чего уж там – она даже толком не булькала. Ночь прошла, а вместе с нею пропали и яркий неон вывесок, и пьяная толпа. Ночь прошла... Вот только полюбоваться на красоту утренней Элоры смогут далеко не все.

Планетоид LV-918 Булыжник, час «Ч» минус 60 часов.

Воскресенье. Выходной день... вроде как. А у меня – так еще и «отсыпной» после суточного дежурства. Должен быть. А я уже на ногах, хотя время едва перевалило за полдень. Вот такая у нас собачья служба.

Так, первым делом – кофе, без него глаза разлепить проблематично, даже умывание холодной водой не помогло. А на душ – нет времени. Рано утром, перед тем, как в койку рухнуть, ополоснулся – и то хорошо. Свежая рубашка, а вот костюм и галстук – те же, что были на мне ночью. Сойдет, не успел я нигде испачкаться. Черт, вот ботинки можно было бы и почистить... Бросаю через плечо взгляд на настенный коммуникатор-зеркало в прихожей. Там в правом верхнем углу мерцают зеленые цифры часов. Нет, могу не успеть... Уж лучше слегка запылившаяся обувь, чем полноценная головомойка от лейтенанта Рудицки за опоздание. А ведь мне еще в морг заскочить нужно... И как все успеть? Эх, была бы личная машина! Но – мечтать не вредно... Булыжник – это вам не полноценная планета с нормальной кислородно-азотной атмосферой, а всего лишь терраформированный... булыжник, чтоб его! Транспортный и экологический налоги у нас –

ого-го! Я, конечно, не бедствую, но такую сумму из бюджета ежегодно вырывать пока не готов. Да и ездить мне особенно некуда, разве что по службе. Но на служебные необходимости у меня «патрулька» имеется. И налоги за нее платит правительство.

– Что у тебя, Дэнни? – прямо с порога прозекторской беру быка за рога.

– Стареешь, Нэйтан, стареешь, – задумчиво смотрит в потолок кореец. – Еще четыре года назад ты мог от своего дома сюда добежать бегом и даже дыхания не сбить при этом. А сейчас?

А что сейчас? Ну, запыхался немного. Но все же не отфыркиваюсь, будто всплывший в полынье тюлень с Серого Фьорда. Ритм, можно сказать, ровный. Ну, почти... Да и не вспотел... Ай, ладно, кого я обманываю! Реально – расслабился. В спортзале когда последний раз был? Когда полугодичный полицейский минимум сдавал. А это почти два месяца назад было. Решено, с сегодняшнего дня снова начинаю ходить в зал. А то так и пузо начать отрачивать не долго.

– Мистер Чен, полностью признаю свою вину, – склоняю голову в притворном покаянии. – Но меня там...

Тычок указательным пальцем в матово-белые осветительные плафоны на потолке недвусмысленно дает понять – где именно «там».

– ...ждет горячо любимое руководство. И чтобы любовь наша не стала еще более близкой, мне нужны данные по

убийству. Дэн, не томи!

– Так, – Дэнни заглянул в лежащий перед ним на столе электронный планшет. – Мария Уиллоу... Возраст... Род занятий... Это ты и сам знаешь... Проживает по адресу... Так, вот! Причина смерти – проникающее ножевое ранение в грудь. Один удар, чрезвычайно острым ножом из очень хорошей стали. Точный. Хорошо поставленный.

– С чего такие выводы?

Вообще-то полный медицинский отчет Дэнни буквально только что скинул мне на коммуникатор, но строчки отчета – это одно, а личные впечатления проводившего вскрытие коронера – совершенно другое. Уже имел возможность лично убедиться.

– Тут несколько факторов, – Дэнни задумчиво почесывает переносицу. – Удар всего один, но нанесен точно в центр проекции сердца, слева от грудины. Оба желудочка пробиты насквозь, острие дошло до позвонка... Не похоже на случайное попадание, уж очень глубоко и точно – ударил и тут же извлек, с доворотом клинка, чтоб вообще без шансов. Жертва умерла быстро, думаю, даже понять ничего толком не успела. Что касается орудия убийства... В позвонке спектральный анализ следов металла не дал. Ни единой частицы не осталось. А значит – высочайшего качества сталь и буквально бритвенной остроты заточка...

У меня в мозгу шевельнулось что-то такое... казалось бы давно забытое. Но чертова спешка... Мысль, так толком и не

сформировавшись, вильнула хвостиком и умчалась.

– Время смерти?

– Судя по температуре печени, степени окоченения тела и прочим не сильно тебе интересным факторам – четверг, вторая половина дня. Примерно между пятью и семью после полудня.

– Твое мнение? Маньяк?

– Сложно сказать, – пожимает плечами коронер. Но на простую «бытовуху» точно не похоже. Как и на слишком далеко зашедшее ограбление. Опять же, убили точно где-то в другом месте. В коллекторе только та кровь, что с одежды убитой натекла. Я попробую восстановить по форме раны внешний вид клинка. Может, на какие-то мысли наведет...

– Кто знает, все возможно, – пожав на прощание руку корейца, вприпрыжку бегу к лифту. Похоже, на совещание я все-таки опоздал.

– А, вот мистер Райан решил нас почтить своим присутствием, – настроение у лейтенанта мрачное.

Еще бы, убийство, повисшее на его отделе, радости начальнику точно не добавляет. Да еще такое. Когда ситуация из серии: «Мистер Эй, после совместного распития спиртных напитков с мистером Би, на почве внезапно возникших неприязненных отношений нанес тому эннадцать колото-резанных ран в область груди и живота» – это тоже неприятно. Человека-то не вернуть. Но зато и преступник обычно – вот он, сидит рядом с телом, тупо пялясь залитыми деше-

вым бурбоном лупалками на окровавленный нож в своих руках. В этот раз все куда серьезнее. Возможна куча вариантов, вплоть до серийного убийцы. Черт, не напророчить бы. Нам тут только какого-нибудь своего доморощенного Джека Потрошителя не хватает для полного счастья. Впрочем, для маньяка все слишком... гуманно, что ли. Те, обычно, своих жертв мучают, издеваются, получая от происходящего извращенное наслаждение. А тут – всего один хирургически точный, гарантированно смертельный, удар – и все. Какое уж тут удовольствие? Впрочем, что творится в головах у маньяков – со времен все того же лондонского Потрошителя, препарировавшего проститутку по темным подворотням, никто толком объяснить не может. Может конкретно этот – от своего мастерства в обращении с ножом кайф ловит?

– Итак, Нэйтан, – тон лейтенанта становится вполне нормальным: усталым голосом давно не спавшего и много работавшего человека. – Надеюсь, ты не просто так опоздал. Новости есть?

– Так точно, сэр, но совсем немного, – развожу руками и начинаю доклад. Говорить стараюсь покороче, но не пропуская важных мелочей.

Рудицки слушает не перебивая, только брови молча хмурит. Выложив все, что на данный момент имелось, я присаживаюсь на ближайший свободный стул, давая понять, что закончил.

– Понятно, – вздыхает лейтенант. – Если обобщить и от-

жать всю «воду», то у нас пока нет ни черта. Я правильно понимаю, Райан?

– Мы работаем, сэр. Проведен опрос...

– Это я уже слышал, – вскидывает ладонь тот, обрывая меня на полуслове. – Зацепки есть? Хотя какие-то?

– Пока нет, – вынужден признать я.

– Понятно, – повторяет лейтенант. – У вас с Бланка сегодня выходной?

– Отсыпной, – поправляю я начальника. – Какие уж тут выходные...

– И это правильно, – одобрительно кивает Рудицки, – выходных вы пока не заработали... Но от невыспавшегося копа толку мало. Сейчас – по домам и спать. Завтра – начинаете рыть носом грунт. И помните – это дело на личном контроле капитана.

М-да, не удивлен. Это вам не пьяная поножовщина. Такие убийства могут здорово подпортить статистику. А статистика, в свою очередь, не лучшим образом повлияет на мнение о нашем Управлении при распределении фондов...

Как любит выражаться капитан Симмонс: «Вопрос политический». Хотя, как по мне, так это не столько политика, сколько экономика... Впрочем, от этого – ничуть не легче. Убийство нужно раскрыть, и, по возможности, максимально быстро. Все, точка. Иначе у Департамента юстиции нашего сектора могут возникнуть сомнения по поводу профессионального уровня сотрудников Управления полиции Старого

Города, что на планетоиде Булыжник. И в особенности – отдела тяжких и особо тяжких... Тогда останемся мы... нет, зарплаты и основных надбавок не лишат, а вот ежеквартальным и годовым бонусам можно будет смело помахать ручкой. А оно нам надо?

– Ясно, сэр. Разрешите идти?

Я уже давно подметил, что Рудицки малость неровно дышит к армейским порядкам. Без излишнего фанатизма, но... Словом, от всех этих «Так точно» и «никак нет» он становится куда благодущнее. Вот и пользуюсь этим, аккуратно, стараясь не перегнуть палку, чтоб выглядело именно как уважение к дисциплине, а не как издевательство.

– По драке в «Каравелле» рапорт написали уже?

– Написали и зарегистрировали, – подает со своего рабочего места голос Хавьер. – Судья Хендерсон назначил слушанье на послезавтра.

Молодец напарник, не подвел.

– Тогда – оба свободны, – кивает он.

Я ловлю взгляд Хави и многозначительно гляжу в сторону двери. Тот все понимает правильно и, быстрым перебором пальцев по клавиатуре и несколькими движениями «летучей мышью» закрыв какие-то файлы на экране своего «комма», снял с пальцев кольца манипулятора и следом за мной двинулся на выход из кабинета.

– Ну что, до завтра? – подает он мне руку на выходе из «управы».

– А на тренировку к Команданте вечером заглянуть не хочешь? Я тут решил немного собой заняться, а то уже одышка начинается...

– Возьмешь? – выдыхает Хави.

Ну, да, в тренировочный комплекс Мобильного взвода всех подряд не пускают – есть у Команданте такой мелкий «пунктик». Мол, нагрузки в Мобильном взводе куда выше и обычные копы только мешаться будут. Что, будем честны – не особо далеко от истины, гоняет «мобильников» их командир всерьез. Впрочем, у патрульных и детективов и свой спортивный зал есть. Так что они не в обиде. А вот я уже много лет тренироваться хожу только к Команданте. Так сказать, по старой памяти.

Хави же на тренировки Мобильного взвода рвался, словно ребенок в комнату с игрушками. Но пустили его туда всего один раз и исключительно со мной за компанию. Ага, «Райан плюс один». Я же, как, вроде, уже признавался, последнее время тренировки подзабросил.

– Возьму, – утвердительно киваю я. – Но, предупреждаю...

– Да понял я... – уныло выдыхает Хавьер, машинально прикоснувшись при этом к ребрам слева. – К Исабель больше не приставать.

Глядя на постную физиономию напарника, я лишь коротко хохотнул, вспомнив, как резво он подкатил в прошлый раз к Исабель Мартинез – пилоту коптера Мобильного взвода.

Нет, по незнанию оно было почти простительно: девчушка молода и чертовски привлекательна. Но голова-то вам, господин детектив-стажер, на что дана? Неужели сложно было сообразить, что если стройная красавица с великолепной, подтянутой, но в то же время очень женственной фигурой и длинными иссиня-черными волосами, собранными в густой хвост на затылке, разминается в спортивном зале спецподразделения полиции, то вряд ли она кассир банка или продавщица из соседней кофейни. Хавьер – не сообразил. И пошел в атаку, будто в каком-нибудь дорогом фитнес-клубе на Новой Аризоне. Уж что он ей там сказал – понятия не имею. Возможно, гламурным цыпочкам на Новой Аризоне такое и нравилось. Но вот сержант Мобильного взвода полиции с Булыжника Исабель Мартинез почему-то галантности Хавьера не оценила и симпатией к нему не прониклась. За что тот и поплатился. Впрочем, Исабель была с ним почти нежна – ни одного ребра не сломала, так, ушибла только. Ну, подумаешь, походил недельку, на левую сторону скособочившись... А ведь мог на пару недель в госпиталь отправиться.

– Именно, – мой указательный палец тычет в небосвод, – Ибо недостаточно почтительное отношение к юным благонравным девицам...

– Хорош глумиться, Нэйт! – поглядел на меня младший товарищ жалобными глазами спаниеля, – Эта «благонравная девица» меня чуть на больничную койку не отправила.

– Радуйся, что не отравила. К тому же, она тебя пожалела, уж поверь. А ведь могла бы и «дуэнью»¹⁴ на помощь позвать... Не понравилось от Мартинез по ребрам получать? А представь, если бы за нее Команданте вступился?..

Представивший себе «радужную перспективу» Бланка только голову в плечи втянул, став при этом похожим на здорово испуганную ново-аризонскую озерную черепаху. То-то! Эх, молодой, зеленый...

– Нэйтан, может, мне пока туда не ходить? А то еще нахлобучат меня там...

– Что, испугался? – хмыкаю я. – Не бойся, если бы Команданте и его парни «нахлобучивали» всех, кто попытался склеить Исабель – Булыжник был бы весьма пустынным планетоидом. У них на самом деле все просто: ты накосячил – тебе объяснили, что ты не прав. Все, вопрос закрыт и повторно откроется только в одном случае – если ты покажешь, что не понял и не сделал выводов. Но вот тогда тебе на базу «мобильников» хода больше не будет. Ты табличку перед раздевалкой видел?

Да, табличка в холле тренировочного комплекса Мобильного взвода – это старая хохма. Ее Команданте привез с предыдущего места службы. Раньше эта начищенная до блеска латунная пластина висела на стене какого-то подпольного игорного притона. Команданте, бывший тогда еще ко-

¹⁴ Дуэнья – в испаноязычных странах – воспитательница молодой девушки-дворянки

мандиром штурмовой группы полицейского спецназа, этот самый притон «закрыл». А табличку – прихватил с собой на память.

– Ну, да, – улыбнулся напарник и процитировал, – «... является частным клубом, администрация которого может отказать любому гостю в посещении без объяснения причин»...

– Именно. Если хочешь у Команданте тренироваться – будь вежливым и скромным. А я за тебя словечко паре тамошних парней замолвлю, они тебе огневую подтянут.

– А «городской бой» дадут попробовать? – глаза Хави увлеченно заблестели.

– Сначала обязательные контрольные упражнения на «А» или хотя бы «В» с плюсом сдай, ганфайтер¹⁵. Так что, идешь?

– Разумеется, – Бланка, словно пацан, чуть не подпрыгивает на месте.

– Тогда в восемь пи-эм у входа в комплекс. И не опаздывай.

Тренировочный комплекс Мобильного взвода – предмет заслуженной гордости Команданте, его командира. Снаружи – ничего особенного: стандартный грузовой ангар «тип-два»

¹⁵ Ганфайтер – на Диком Западе так называли людей, отлично владеющих огнестрельным оружием. Ганфайтер мог быть как преступником, так и шерифом или каким-то другим «законником», или даже просто наемным стрелком

для крупных космических портов: здоровенный кyonсет¹⁶ – конструкция из высокопрочного пластика, похожая на распиленный пополам и уложенный на землю цилиндр, покрашенный в стандартный казенно-серый цвет. В любом космопорту таких – двенадцать на дюжину. Но это только снаружи, а вот внутри... К «начинке» ангара Команданте, сам в молодости вдоволь побегавший сначала бойцом, а потом – командиром штурмовой группы SWAT¹⁷ на Большом Остине, подошел со всей серьезностью. Помимо тренажерного и так называемого «мягкого», борцовского (хотя занимались там кроме борьбы любыми видами «ногодрыжеств и руко-машеств» от обычного бокса до сурового русского боевого sambo, которому Команданте лично обучал наиболее подготовленных бойцов взвода), было еще много чего. Совершенно костоломная полоса препятствий, которую, насколько я понял, скопировали с русской, для армейских подразделений специального назначения, бассейн с пятидесятиардовой дорожкой, внушительной площади макет городского квартала, для отработки навыков боя в условиях плотной застройки (благо, размеры ангара позволяли и не такое) и «фл-

¹⁶ Кyonсет – (англ. Quonset или Quonset hut) – сборный модуль (ангар) полуцилиндрической формы из гофрированного железа или пластика

¹⁷ SWAT- Special Weapon And Tactic (специальное оружие и тактика) – полицейские подразделения специального назначения в США, предназначенные для борьбы с вооруженными преступными группировками и террористами. Наиболее близким аналогом SWAT в России является СОБР

эт»¹⁸ – это такое здоровенное помещение-трансформер со свободно двигающимися стенами, в котором можно смоделировать практически любую обстановку, от квартиры или офиса до молла¹⁹ или заводского цеха. Учитывая специфику деятельности «мобильников» – тренажер весьма полезный.

А еще тут имелаась настоящая баня. Не какая-нибудь обыкновенная финская сауна с грудой крупных булыжников, лежащих на электрическом нагревателе, нет. Самая настоящая, русская. На органических дровах, с сырым паром и вениками из особым образом засушенных дубовых и березовых ветвей. Вы себе стоимость всего этого представить можете? А Команданте в свое время умудрился доказать, что баня – это не просто место для мытья, а важный элемент психологической коррекции. Целое исследование по данному поводу заказал. Говорят, прилетевшие с Новой Аризоны светила психологии, чуть ли не две недели обследования бойцов взвода проводили. И, как ни странно, дали положительное заключение: мол, как бы дико не выглядел процесс со стороны, просто вынуждены признать – физический тонус и настроение испытуемых после посещения bani улучшается, здоровье – укрепляется, а избивание друг друга пучками древесных ветвей, по всей видимости, имеет еще и немалый терапевтический эффект и способствует снижению уровня личной агрессии во внеслужебное время, снижая тем са-

¹⁸ «Флэт» (англ. flat) – дословно с английского – квартира

¹⁹ Молл – в англоязычных странах крупный торговый центр

мым риск профессиональной деформации личности сотрудников. В общем, после такого вердикта начальство спорить не стало и смету расходов подписало.

Вы спросите, с чего бы командир Мобильного взвода испытывает слабость ко всему русскому? Ну, как вам сказать... Если коротко, Команданте, хоть внешне и похож на испанца: загорелое лицо, пронзительные черные глаза, некогда смоляные, но уже сильно поседевшие волосы и лихо закрученные усы истинного идадьго – испанцем или латиносом не является. Он... Да, Команданте – русский. Вернее, не совсем русский, а если еще точнее – совсем не русский... Так, кажется, я сам начинаю запутываться. Словом, наш Команданте – ingush, сын одного небольшого народа, что на Старой Земле проживал на Kavkaze – горной провинции России, знаменитой своими винами и лихими, бесшабашными мужчинами, которые с одинаковой легкостью становились либо отважными воинами, либо дерзкими бандитами. Причем уважали в тех краях и первых и вторых примерно одинаково. Похоже, суровое было местечко. И зовут его Аслан Шадижев. Ага, ничего себе фамилия, да? Даже мне, в свое время почти привыкшему к этим ужасным русским «же» и «ше» в самых диких комбинациях – и то немного не по себе. Что уж про остальных говорить. В общем, мало кто после первой (и, в большинстве случаев – последней же) попытки пытался выговорить его фамилию. Куда проще обращаться по давно приклеившемуся прозвищу. Особенно если носящий его –

совершенно не против.

С моего последнего посещения в холле ничего не изменилось: светло-бежевая плитка на полу, серые стены, большое панно с гербом Мобильных сил полиции: раскинувший крылья белоголовый орлан, сжимающий в лапах молнию, а ниже – надпись полукругом: «At any time, any place, any task». Блистающая начищенной и наполированной латуной знаменитая табличка из подпольного казино на двери в раздевалку. И часовой. Стоящий в небольшом тамбуре при входе в тренировочный центр боец взвода – просто живая иллюстрация к девизу подразделения²⁰: одетый в легкую пехотную броню с наплечниками и шлем с забралом, он кажется еще массивнее и шире, хотя – куда уж еще шире, при его-то плечах. На груди, стволом вниз, висит короткий штурмовой автоматический карабин «Кольт». Ну, да, у полиции Конфедерации с «Colt's Manufacturing Company» контракт: пистолеты, многозарядные штурмовые дробовики, автоматические карабины... Даже спаренные крупнокалиберные пулеметы на коптере Мобильного взвода – и те сделаны на заводе «уравнителей шансов»²¹. Меня и Хавьера караульный встречает коротким кивком массивного шлема.

– Привет, Томас, – приветливо улыбаюсь я бдительному караульному.

²⁰ «В любое время, в любом месте, любые задачи»

²¹ Знаменитый девиз компании Кольт: «God made man, but Samuel Colt made them equal» – «Бог создал людей, а Семюэль Кольт уравнил их шансы»

– Надо же, Нэйтан Райан, как говорится – во плоти. Нашлась пропажа! А мы думали – ты окончательно в бумажные крысы подался...

– Почти, друг мой, почти, – коротко хохотнув, я слегка прихлопываю ладонями по животу. – Чуть было брюхо отпустить не начал, но вовремя одумался.

– М-да? – скептически хмыкает из-под забрала мой собеседник. – Как по мне – так слегка поздновато спохватился. Но ничего – дело поправимое. Лейтенант тебе сейчас устроит. Он ведь тебе уже и прогулы ставить перестал. Практически вычеркнул из списков. Ох, достанется же тебе...

Если для всего полицейского Управления Старого Города Аслан – просто Команданте, то для этих парней – лейтенант. Причем произносится звание с таким уважением, что сразу чувствуется – этого лейтенанта подчиненные ценят выше иных генералов...

– Надеюсь, по второму кругу «обкатку» проходить не заставит? – новости меня откровенно встревожили.

– Да ладно, – из-под забрала доносится насмешливое фырканье, – пошутил я.

– Злые шутки у вас, офицер²², – укоризненно качаю головой я.

– Ничего, тебе полезно, – широко улыбается тот в ответ. –

²² В отличие от России, в полиции США отсутствует привычная для нас система специальных званий, а «офицер» (officer) – это даже не самое младшее звание сотрудника органов правопорядка, а, скорее, общепринятая форма обращения к нему

А то, понимаешь, забросил тренировки... Ну, куда годится?

Согласен, никуда не годится. Поэтому и пришел. С этой мыслью я и направляюсь в раздевалку.

Первый, кто встречает нас на выходе в тренировочную зону – это Аслан собственной персоной. Уж не знаю, случайно так совпало, или Томас нас начальству сдал. Впрочем, не все ли равно?

– Ага, – жизнерадостно скалит зубы в белоснежной улыбке Команданте, – а мы уж тут решили, что старший детектив Райан спекся, оброс пузом и наши нагрузки ему больше не по плечу... Ошибались?

– Ошибались, Аслан, – подражая Супермену, я выпячиваю челюсть и напрягаю мышцы груди.

Впрочем, буду честным сам с собой: по сравнению с туго обтянутым компрессионной футболкой торсом Команданте, выглядит моя попытка... ну, скажем так... не сильно убедительно. А ведь и природные данные у меня отличные, и на тренировках я не филонил никогда. Но сравнения с этим могучим мужиком – не выдерживаю. И это несмотря на то, что он лет на пятнадцать меня старше и уже вплотную приблизился к полувековому юбилею.

– А доказать сможешь? – хитро прищуривает он левый глаз и скептически заламывает бровь.

– В любой момент, – гулко бью себя кулаком в грудь я, – только Хави к делу пристрою и разомнусь.

– Заботливый, – одобрительно кивает головой Аслан. – На

«флэт» его отправь, наша штурмовая группа там сегодня детективный бой²³ отрабатывает. Думаю, Хавьеру должно понравиться.

Услышав про «флэт», Бланка, словно молодой необъезженный жеребчик, буквально загарцевал на месте, разве что копыта по полу не цокали.

– Ну, и что ты на меня смотришь влюбленными глазами? – оборачиваюсь я к напарнику. – Все слышал? Тогда – бегом, пока Команданте не передумал!

Хавьера будто канзасским торнадо сдуло. А вот я – приуныл. Потому как последняя фраза, что, уже уходя, через плечо, бросил мне Аслан, прозвучала локальным приговором.

– Разминайся пока. И нос разминай...

Ох, мама дорогая. Спарринг против Шадижева, да еще после двухмесячного перерыва... Нет, без шансов! Сломает пополам, как сухую ветку. Разве что по голове, несмотря на многозначительный намек, бить не будет. Знает, я – детектив, я головой работаю. Но от этого как-то не намного легче. Ладно, пойду-ка разминаться. Для начала – пробежка. Думаю, трех миль в среднем темпе будет достаточно...

Всего через пару часов, измочаленный и на собственной шкуре прочувствовавший все ощущения боксерского мешка, я оседаю у стенки, пытаюсь восстановить сбитое дыхание.

²³ «Детективный бой» – упражнение учебных стрельб, имитирующее скоротечный внезапный огневой контакт в помещении

Откуда в этом буйволе такая силища? Причем, в сочетании с легкостью и скоростью? Другие в пятьдесят лет из всех физических нагрузок разве что по лестнице пешком поднимаются. А Аслан... Зверюга. Впрочем – сам виноват, прогуливать занятия меня никто не заставлял. А всего три-четыре месяца назад я с ним почти на равных тягаться мог. Ну, может и не совсем на равных, но вот так безнаказанно себя избивать – точно не позволял.

– Ола, Натти!

Я обернулся на приятный девичий голос.

– О, Исабель! Ола, роза сердца моего. Как поживаешь?

– Неплохо, в отличие от... – Исабель Мартинез с легкой улыбкой осматривает мое брненное тельце. – Кстати, а где твой отважный, хоть и не очень хорошо воспитанный юный друг?

– Юный друг, получив дополнительное внушение и прослушав лекцию о пользе хороших манер, смылся, от греха подальше, к парням из штурмовой группы. И сейчас отстреливает на «флэте» террористов. Или заложников... Со стрельбой у него пока не очень...

– Затиранили мальчика? – укоризненно смотрит на меня своими выразительными глазами эта красавица. – Зачем? Это было даже забавно: такой самоуверенный, такой крутой... И хорошенький.

В глазах девушки завияли хвостами озорные бесенята.

– Забавно? *Mi corason*²⁴, ты ж его чуть в больничку не отправила! Он же неделю ходил, на один бок скрючившись...

– Ой-ой-ой, какие все стали нежные! – фыркнула она, смахнув упавшую на глаза прядь волос. – Куда же подевались настоящие мачо?

– Фиалка души моей, ты ослепла? Да они вокруг тебя бродят натуральной тигриной стаей... -увидев усмешку Исабель я жестом оборвал ее еще до того, как она начала говорить. – Вот только не нужно мне лекций по зоологии читать, я знаю, что тигры в стаи не сбиваются. Но ты отлично поняла, о чем я сейчас.

Исабель лишь снова фыркнула.

– Это не мачо, Натти, это – *hermanos*, братики. Ну, и, – она бросила короткий взгляд на мощную широкую спину приседающего под внушительной штангой Аслана, – папочка. Это *la familia*, семья, понимаешь?

– Понимаю, – согласно киваю в ответ. – А чего ж тогда Хави отшила, да еще так жестко?

– Чтобы слишком много о себе не понимал, – продемонстрировала девушка образец безупречной женской логики. – Я ему не какая-нибудь...

Исабель тонкими пальчиками изобразила в воздухе нечто этакое, видимо, должно обозначать крайнюю степень несерьезности.

– Теперь, думаю, в следующий раз он себя вести будет по-

²⁴ *Mi corason* (исп.) – сердце мое

другому...

Нет, принципы женской логики, похоже, для мужчин навсегда останутся загадкой! При первой попытке флирта крушить парню ребра, чтобы на второй раз он был более куртуазным и романтичным... С ума сойти! А он будет вообще, второй «заход», при таких-то результатах первого? Но черноокую красавицу подобные вопросы явно не волнуют. Она в своей очаровательной голове что-то там уже напланировала, и твердо уверена, что жизнь просто обязана развиваться в полном соответствии с этими планами. А как же иначе?

Вот смотрю на нее и думаю, стоит ли Хавьеру намекать на возможность продолжить знакомство? А то ведь девочка, конечно – картинка, но в голове тут не то, что завихрения, а конкретный ураган. Впрочем, я им не брачная контора, пусть сами разбираются. Дело молодое.

Негромко кряхтя и одной рукой придерживаясь за стену (а второй, придерживая пострадавший в ходе спарринга ливер), встаю.

– Натти, милый, ты как? – проявляет заботу Исабель. – Что, совсем тебя папочка замучил?

– Нормально, – отмахиваюсь я. – Сам виноват, меньше тренировки прогуливать надо было.

– Ничего, – участливо кивает девушка, и сдувает вновь упавшую на глаза непослушную прядь, – походишь к нам, потренируешься... Пузико свое сбросишь.

От возмущения у меня аж дух перехватило.

– Да что ж такое! Далось вам всем мое пузико! Исабель, родная, скажи честно, оно у меня что, и правда есть?!

Красавица внимательно меня оглядела и вынесла короткий и по-женски безжалостный вердикт.

– Да.

В раздевалке Хави горячо спорит о чем-то с заместителем командира штурмовой группы «мобильников» сержантом Тэо Риттером, светловолосым здоровяком с ярко выраженными немецкими корнями. Типичный случай, когда национальность в прямом смысле – налицо.

Я прислушался. Понятно, как обычно – о политике и войне. А если конкретнее – о пиратах, которые, судя по контексту спора, опять совершили налет на какой-то мелкий планетоид в нашем секторе. Нет бы о девушках красивых...

– О, привет, Нат, – оборачивается ко мне Тэо. – А вот ты как думаешь: какого черта наши никак не могут с янки объединиться, и всю эту шушеру совместными усилиями к ногтю взять? Ладно, в политических моментах у Конфедерации со Штатами разногласия есть, но ведь пираты – проблема общая. Опять же, всего двести лет назад мы с ними одним народом были... Неужели это совсем ничего не значит?

– Брось, Тэо, – легонько похлопывает оппонента по плечу Хавьер. – Нэйт у нас по этому поводу вообще ничего не думает, он политикой не интересуется.

Все верно, Хави, я не думаю... Вот только причина несколько иная. Я не думаю, потому что знаю.

Тринадцатую годами ранее...

За окном – хорошо, за окном – красота. Над океанской гладью висят в чистом, без единого облачка, небе неподвижно, будто презрев закон всемирного тяготения, местные альбатросы. Вообще-то у этих крупных морских птиц имеется какое-то собственное название, как водится – длинное и на латыни. Но кто сейчас помнит ту латынь, кроме ученых? Которых ни в Академии, готовящей будущих стражей закона, ни в небольшом курортном городке Палм Парадайз, рядом с которым Академия расположена, как-то не наблюдается. Все остальные, не забывая себе головы разными глупостями, называют птиц просто «альбатросами». К чему плодить сущности, правда?

Свежий ветерок с океана лениво качает верхушки ново-аризонских пальм... В такую погоду нужно лежать с бокалом чего-то холодного (черт, можно даже безалкогольного) на шезлонге посреди пляжа. Или хотя бы по спортплощадке с футбольным мячиком бегать, походя сшибая с копыт парней из команды-соперника²⁵. Я же стою навытяжку в кабинете коменданта.

– Сэр, кадет Райан по вашему приказу прибыл, сэр!

²⁵ В США «футболом» называют исключительно американский футбол. Более привычный для нас «европейский футбол» там называется «соккер» (soccer)

Комендант Академии капитан Дэфо смотрит на меня поверх своих дико старомодных очков, слегка съехавших на кончик носа, с таким искренним изумлением, будто вовсе не он вызвал мою скромную персону к себе в кабинет. Ну, да, психология: создайте в собеседнике ощущение неуверенности... Вот только на меня такие фокусы действовали где-то до середины второго курса, позже иммунитет выработался. Поэтому – стою, вытянувшись в струнку и преданно таращу глаза на руководство.

– Ах, да... Кадет Нэйтан Райан... – делает он вид, словно вспоминает.

Ну-ну, а личное дело на вмонтированном в столешницу мониторе у него чье прямо сейчас? Дика Трэйси²⁶? Иногда очень полезно иметь возможность смотреть на мир с высоты почти шести с половиной футов: люди меньшего роста просто не понимают, как много ты можешь увидеть тебе не предназначенного. Особенно – легко одетые девушки в вагонах монорельса... Там в вырезах футболочек и платяиц порой такие виды открываются – впору за сердце браться. Впрочем, сейчас – тоже неплохо получилось. Ну а Дэфо пусть и дальше играет в великого Наполеона Бонапарта, знавшего по именам всех солдат своей Старой Гвардии, я не возражаю.

– Сэр, так точно, сэр!

– Благодарю вас, кадет, что прибыли так быстро. Вольно,

²⁶ Дик Трэйси – персонаж одноименных комиксов и кинофильма, очень крутой американский коп времен «сухого закона»

присаживайтесь.

Молча приземляюсь на указанный комендантом стул и жду продолжения. Вряд ли он вызвал меня, чтобы о погоде или недостатках меню в столовой побеседовать – дел у него хватает: в Академии одномоментно обучается порядка полутора тысяч будущих служителей закона.

– Скажите, кадет, вы родом с Булыжника?

– Так точно сэр, – после команды «вольно» и предложения присесть глотку можно уже не драть. – Планетоид LV-918 системы Элора, он же Булыжник.

– Ваш отец, кажется, был копом?

Вот к чему все эти вопросы? Личное дело мое у Дэфо прямо перед глазами, в нем все английским по белому написано... Неужто и правда пытается сделать вид, что подобно великим полководцам прошлого, всех подчиненных в лицо помнит? Так оно ему, вроде, ни к чему. Перед кем пыль пускать? Не передо мной же. У него в подчинении таких как я...

– Так точно сэр, детективом. Погиб при исполнении двенадцать лет назад.

– Да-да, – кивнул комендант, – крупная гангстерская война, я помню, громкое было дело...

Все верно, дело было громкое. Две, казалось бы, давно поделившие сферы влияния на планетоиде группировки едва не вцепились друг другу в глотки. Как выяснилось в процессе – с тихой подачи третьей. А потом, разобравшись в ситуации, эту самую третью рвали в клочья уже совместными

усилиями. Вот только в процессе разбирательств погиб коп. Все понявший раньше всех и не желавший войны на улицах родного ему города... Мой отец...

– Пойти в полицию вы решили по его примеру?

– Не только, сэр. После гибели отца меня забрал в свою семью и воспитывал его лучший друг и напарник. Он тоже был копом.

– Что ж, – Дэфо снял очки (и зачем они ему нужны вообще при современном уровне медицины? давно бы лазерную коррекцию сделал, если со зрением какие-то проблемы), протер линзы белоснежным носовым платком и пристально посмотрел мне в глаза. – Очень приятно видеть, что их пример помог достичь вам столь высоких показателей в учебе.

Я внутренне подобрался, кажется, вежливое вступление закончено, и комендант перешел к сути.

– Вам доводилось слышать о программе стажировок по направлениям деятельности для наиболее отличившихся в учебе кадетов?

У меня буквально сердце в желудок ухнуло. Неужели? Для кадета попасть в программу профессиональных стажировок – все равно, что в лотерею выиграть. Ежегодно один кадет выпускного курса с каждого потока направлялся в самое заслуженное подразделение своей направленности на Новой Аризоне. На три месяца. Полноправным сотрудником. Так сказать, для получения практического опыта. Стоит ли говорить, что такая стажировка могла дать знаний не меньше,

чем вся предыдущая учеба. А если кадет по итогам умудрялся получить положительный отзыв и «А» в табель практики, то в Академии он вообще освобождался от выпускных экзаменов. Правда, насколько я помню, для того, чтобы пересчитать такие случаи за всю долгую историю нашего заслуженного учебного заведения, хватило бы пальцев двух рук... И все они при этом задействованы не были бы. Но, как я уже сказал, даже просто попасть в программу было для кадета величайшей удачей.

– Так точно, сэр! – стараясь сохранить на лице невозмутимое выражение, киваю я.

– Что ж, рад вам сообщить, что в этом году лучшим кадетом на потоке Мобильных сил полиции признаны вы. Поздравляю.

Вскочив со стула, снова замираю по стойке «смирно» и рявкаю:

– Сэр, благодарю вас, сэр!!!

– Вольно, Райан, – с легкой укоризной смотрит на меня Дэфо, мол, ну зачем же так горлопанить? – Для прохождения стажировки вы направляетесь в отдельную роту Мобильных сил полиции агломерации²⁷ Голденкейп. Данное подразделение уже пятый год признается лучшим подразделением своей направленности на Новой Аризоне. Предписание и проездные документы получите в строевой части. Можете быть свободны.

²⁷ Агломерация – компактное скопление населенных пунктов

Я всегда знал, что финансовая служба министерства юстиции – сборище жлобов и скряг. Наше курсантское денежное довольствие об этом забыть не давало, напоминало ежемесячно. Но такой подставы я от них все-таки не ожидал, сегодня они сами себя превзошли! Разумеется, на билет в первый класс океанского «круизника» или турбо-реактивного «джета» я не рассчитывал. Но это! Старый каботажник?! Даже не трансокеанская монорельсовая хорда, а древнее, ржавое корыто! Восемь часов на узкой койке, на которой я из-за роста ноги выпрямить не мог! А на палубу меня местный старпом не выпустил. «Не положено»... Чтоб тебе всю жизнь на такой койке спать, краб ты сушеный!

Впрочем, если уж на чистоту, приходилось мне бывать в условиях куда более суровых. Одно мое путешествие на Новую Аризону для поступления в Академию чего стоило. Но этой груде ржавого металлолома по крайней мере не пришлось выходить из атмосферы... И климатизатор в кубрике был исправен. На той лайбе, на которой я провел в космосе почти полторы недели, климатическая сплит-система явно доживала свои последние дни. И поток воздуха, что с подвыванием вырывался сквозь гнутые шторы жалюзи, нестерпимо вонял протухшей рыбой. Выключить систему было можно, но тогда каюта стремительно превращалась во влажную душегубку, стены которой практически моментально начинали «отпотевать» крупными каплями конденсата. Вот и вы-

бирай...

Но тот ужас уже давно позади и, наверное, уже никогда не повторится. По домам, на родные планеты и планетоиды выпускники полетят с шиком: новенькая «парадка», билеты в первый класс межпланетных лайнеров. Такова традиция. Потом будет служба, за которую платят весьма достойно и если и придется куда-то лететь, то уж точно не на дряхлой лайбе грузо-пассажирской (в первую очередь, понятное дело, «грузо»). Уж на билет пусть и второго класса, но на хорошем пассажирском лайнере, любому копу денег хватит. А это все – переживу, я не изнеженный мальчик с центральных планет. Я – сын погибшего при исполнении копа с шахтерского планетоида.

На одном из бесконечно длинных причалов грузового порта Голденкейп меня уже ждет встречающий. Почти на полголовы выше меня широкоплечий ярко-рыжий детина. Как мы на тренировках по физо по команде инструкторов вопили? «Наши руки будут как ноги, наши ноги будут как тумбы»... Этот бугай желаемого результата явно добился, но на достигнутом останавливаться не стал и продолжает движение вперед.

– Кадет Райан?

Можно подумать, кроме меня с этой шаланды сошло полтора десятка молодых парней в повседневном полицейском патрульном комбезе и берете Мобильных сил полиции, но с шевронами Академии... Да кроме меня и его на пирсе вооб-

еще никого нет.

– Сэр, так точно, сэр!

– Можешь не горланить, кадет, – широко улыбается рыжий. – У нас не армия и не Академия, отношения попроще. Капрал Риггс, вне службы можно просто Джозеф.

Капрал протягивает мне ладонь широкую, будто лента транспортера-погрузчика.

– Кадет Райан, в любое время можно просто Нэйтан, – в тон капралу рапортую я, отвечая на крепкое, но без излишнего фанатизма, рукопожатие.

Тот лишь добродушно хмыкает и делает широкий приглашающий жест.

– Прошу вас, принц, карета подана!

Роль кареты исполняет армейский бронированный вездеход «Ти-Рекс», широкий и приземистый, и правда, похожий на какого-то хищного доисторического ящера, полноприводный монстр, настолько уродливый, что по-своему даже красивый. Той самой жутковатой красотой, что присуща любой хорошей военной технике. Разве что на бортах этого четырехколесного «ящера» – стандартная полицейская символика поверх скучного черно-белого окраса, а не хитрые разводы какого-нибудь сложного камуфляжа.

– Ничего себе! – удивленно качаю головой я. – Вы на таких все время по городу катаетесь?

– Нет, – еще шире улыбается Риггс. – Только когда хотим какого-нибудь салагу из Академии впечатлить. Забирай-

ся давай и поехали. Тебя там капитан ждет. Будет в курс дела вводить и с коллективом знакомить.

Заставлять ждать руководство – последнее дело. Особенно если тебе на это руководство нужно постараться произвести хорошее впечатление.

– Джентльмены, внимание! – разнесся над площадкой для построений зычный, хорошо поставленный голос капитана Мердока. – Представляю вам нового бойца нашей роты, кадета пятого курса Академии, лучшего на потоке Мобильных сил полиции в этом году, Нэйтана Райана.

Мне под внимательными взглядами почти полутора сотен бойцов роты немного неловко, но виду не показываю, стою перед строем рядом с капитаном по стойке «смирно», берет лихо заломлен на правое ухо, начищенные до зеркального блеска ботинки солнечных зайчиков по асфальту пускают. Разве что немного поношенный комбез слегка картинку портит... Впрочем, и сам Мердок, и вся выстроившаяся на плацу в три шеренги рота, одеты в точно такие же: чистые и опрятные, но уже явно не новые, давно обмявшие по фигуре. Так что – нормально, на общем фоне не выделяюсь.

– Кадет Райан вливается в наш дружный коллектив временно, всего на три месяца, – продолжает меж тем Мердок, – но на эти три месяца – он наш сослуживец и младший брат. Наставником Райану назначен капрал Риггс...

– Ай-ай, сэр!²⁸ – коротко рывкает из строя встретивший

²⁸ Сохранившаяся еще со времен британского парусного флота фраза, означа-

меня в порту рыжий здоровяк.

– Но помогать новичку во всем и словом, и делом, будем вместе. Он лучший на потоке, но все мы знаем: в реальном бою вся теория ничего не стоит без практики. И наша задача – эту самую практику ему в ближайшие три месяца обеспечить. Вопросы?

– Нет, сэр! – выдыхает разом строй.

– Ну, вот и хорошо, – совершенно другим, каким-то почти «штатским» тоном, заканчивает капитан. – Вольно, разойдись. Риггс, проводи парня во взводный кубрик, покажи отведенную ему койку и пусть знакомится со взводом. А с остальной ротой – позже, по ходу дела.

Вот интересно, все эти наставления специально пишут таким языком, что у нормального человека уже после пары абзацев челюсть от желания зевнуть сводить начинает? Ведь просто невозможная скучища! А знать – нужно, завтра Риггс зачет принимать будет. Последний из теоретических зачетов, которые я вот уже вторую неделю сдаю один за другим. Пока – все успешно. И если все пройдет удачно, то с завтрашнего дня меня начнут ставить в боевой расчет взвода. А это значит, что и на выезд поеду вместе с парнями, парой с моим рыжим наставником, и в операциях участие принимать буду наравне со всеми. Правда, должность у меня пока самая низовая – «мул». «Мулом» в штурмовых группах

Мобильных сил зовут того бедолагу, что таскается с увесистой и неразворотистой «дурой» – пневматическим тараном. И вся его роль в штурмовке заключается в том, чтобы этим тараном вышибить перед остальной группой дверь и сноровисто отскочить в сторону, чтоб не мешать тем, кто с оружием наперевес входит внутрь. Вот, собственно, и все задачи. Понятно, что в любой группе «мулом» работает самый молодой и неопытный. В нашем случае – я сам... И подняться выше мне, скорее всего, за время стажировки – не светит. Что такое оставшиеся два с половиной месяца, да еще и при графике «сутки дежуришь, трое дома». Впрочем, «дома» – это все остальные, ко мне не относится. Я живу в казарме. Зато знакомлюсь с остальной ротой: утром я с ними на физо, после обеда – на тактике, а в промежутках и вечером – грызу гранит науки...

Когда Риггс сказал, что тут не Академия, я даже понятия не имел, насколько далеко тут все зашло. Вот, скажем, чем я сейчас занимаюсь? Зубрю наставление по эксплуатации, обслуживанию и мелкому ремонту тяжелой боевой брони «Армаком Марк 3». Нет, в Академии мы основные характеристики выучили еще на первом курсе. А на втором и третьем даже тренировались в ношении: все же не обычный пехотный бронежилет-«кираса», экзоскелет и миомерный синтетический мышечный каркас требуют умения... Но учить наизусть чуть не каждый винтик... С другой стороны, смысл в словах Джозефа, перекинувшего мне на коммуникатор этот

талмуд с заданием выучить от первой до последней строки, имелся. Вот случись что... Реммастерская-то – на базе, а исправить какую-нибудь неполадку может понадобится прямо «на коленке» и в кратчайшие сроки. И ведь от скорости и качества ремонта могут и жизни зависеть: твоя, сослуживцев, заложников... Вот и сижу, зубрю.

– А, вот ты где! – раздается за спиной голос сержанта Эда Мартинсона, заместителя командира взвода, который моя смена завтра сменит на дежурстве.

Ага, можно подумать у меня так много мест, в которых я мог бы находиться...

– Чем занят? – Мартинсон заглядывает мне через плечо, разглядывая экран моего коммуникатора. – Ууу, как все серьезно... А мы тут с парнями в футбол хотели, но нам как раз квотербека²⁹ не хватает, хотели тебя позвать, ты ж умеешь... Но раз тут такое...

– Да я закончил почти. Да и учу я это наставление уже третьи сутки. Мозги скоро оплавятся. Наоборот – развеяться бы...

– Развеяться он хочет, – скептически хмыкает сержант. – Ладно, давай так: задаю тебе ровно один вопрос, но сложный. Отвечаешь – идем на поле, нет – сидишь и изучаешь дальше.

– Так там, вроде, ждут...

– Ничего, подождут. Футбол – это развлечение, а учеба

²⁹ Квотербек – нападающий в американском футболе

– это серьезно. Тебе капитан в диплом стажировки не спортивные достижения вписывать будет. Ну, что, согласен?

– Согласен, – упрямо киваю я.

– О'кей, самоуверенный юноша, а расскажи-ка ты мне устройство дублирующей системы управления целеуказанием.

– Основной калибр, или тяжелый? – уточняю я на всякий случай, хотя ответ предвижу заранее.

И Мартинсон мои ожидания полностью оправдывает.

– Давай оба, но начинай с тяжелого.

Я поднимаю взгляд к потолку, вспоминая, и начинаю бойко тараторить:

– Дублирующие цепи системы управления целеуказанием противотанкового гранатомета «Грендель» состоят из: первое...

В тот момент, когда Риггс распахнул дверь в спортзал, я уже закончил тренировку и, разложив по местам гантели и «блины» от штанги, закинул на плечо полотенце и собирался отправиться в душевую.

– Отставить помывку, стажер, у нас выезд! Бегом в кубрик, экипировка по «среднему» варианту и «бревно» не забудь!

По среднему варианту – это уже серьезно. Пехотного образца бронежилет с наплечниками, противоосколочный комплект защиты конечностей, шлем с забралом. Оба вре-

менно закрепленных за мною в роте ствола: и «короткий» – пятнадцатизарядный, полицейской модели, «Кольт Рейнджер» сорок пятого калибра, и «длинный» – пистолет-пулемет «Гризли» под тот же патрон. И это мне еще повезло, у остальных бойцов за «длинномер» выступает штурмовой карабин М-90 «Иерихон». Штука, безусловно, суровая, но значительно более тяжелая и куда менее компактная. Впрочем, везение мое весьма относительное: да, вооружен «медведем», зато уже упомянутое капралом «бревно» – пневматический таран, тоже мне таскать.

Уже в тесноватом, слабо освещенном лампами дежурного освещения боевом отделении бронемашины, вдоль бортов которой мы сидели, тесно прижавшись плечом к плечу, Риггс усмехнулся и подмигнул.

– Что, Райан, страшно?

И, если честно, я только сейчас об этом задумался. Первый раз с того момента, как капрал меня из спортзала выдернул. До этого было некогда. Сначала в быстром темпе натягивал на себя комбез и «броню», новенькую совсем, только со склада, ни единой царапины. Потом получал у дежурного пистолет-пулемет с боекомплектom (пистолеты все бойцы дежурного взвода получали в начале смены и сдавали их только уходя домой через сутки) и таран. Как и положено, проверил количество патронов в магазинах и уровень заряда аккумулятора тарана, подтянул еще раз регулировочные стропы надетого поверх бронежилета «нагрудника», с почками-под-

сумками под магазины и прочее снаряжение... Руки сделали все сами, автоматически, голова, можно сказать, в процессе участия вообще не принимала. Но вот на своих мыслях и ощущениях я сосредоточился только сейчас, после вопроса Ригтса.

– Пожалуй – нет. Нервничаю немного, но не боюсь – точно.

Наставник явно что-то собирался сказать, но в этот момент встроенные в наши шлемы наушники прокашлялись голосом капитана, и капрал лишь сверкнул зубами в полутьме и продемонстрировал мне отставленный вверх большой палец.

– Группа, внимание! На нормальный брифинг времени нет и, похоже, не будет. Поэтому ввожу вас в курс дела по дороге. Слушаем, смотрим, запоминаем. Если появятся вопросы, задаем их после того, как я закончу.

Несильным хлопком ладони опускаю вниз до того поднятое в походное положение забрало шлема. Его внутренняя поверхность практически сразу замерцала, а уже через мгновение на ней появилось цветное изображение. Довольно мрачная хибара этажей, примерно в двенадцать, из так называемых «социальных». В таких, занимающих целый квартал, построенных прямоугольником многоэтажках, живет, обычно, самое отребье: наркоманы и уличные «пушеры»³⁰, дешевые шлюхи, потерявшие работу мелкие клерки и про-

³⁰ «Пушер» – торговец наркотиками

чие неудачники из тех, у кого еще водятся какие-то деньги, но уже точно нет шансов вскарабкаться хоть немного выше. Безднадега, дерьмового качества алкоголь, широчайший ассортимент разной «расширяющей сознание» дряни. И полный букет сопутствующих проблем, первая из которых – чрезвычайно высокий уровень криминала.

Приличной публики тут не бывает. Даже те, кто ищет где купить наркоты или продажной любви, делают это в местах уровнем попроще. Влезть в поисках приключений сюда – верный способ суицида. Тут за двадцатку тебя грохнут, разденут до белья (а то и его снимут), расчленят, закопают и сверху кучу мусора навалят, такую, будто она тут всегда была... Сюда даже копы местные суются весьма неохотно. Но тем деваться некуда – служба. Вот и влезли на свою голову...

– Захват заложников, – продолжает вещать голосом капитана шлем. – Саутчестер, пересечение, четырнадцатой и сорок первой...

Шлем услужливо проецирует на забрало карту города. Да уж, повезло – так повезло: самый центр местных трущоб.

– Вооруженная группа неустановленной пока численности совершила нападение на двух патрульных офицеров. Офицеры Дрейк и МакАдамс живы, но судя по показаниям следящей аппаратуры – Дрейк ранен и его состояние ухудшается.

Поверх схемы здания и прилегающих кварталов высветились фотографии из личных дел. Отчаянные ребята, конеч-

но, здешние копы. Я бы в такой гадючник меньше чем взводом даже и не сунулся.

На внутренние камеры надежды никакой. Обитатели подобных мест излишнего внимания к своей жизни не любят. Если и были там какие-то камеры и прочая следящая аппаратура – давно уже нашли и раскурочили. Или на лом продали за гроши. А с дрона в окна заглянуть, в принципе, можно, вот только сомневаюсь, что они со взятыми в заложники копами в обнимку у окошка сидят.

– ... Пока удалось через департамент градостроительства мэрии получить весьма подробную схему здания, а запущенный в облет дрон-разведчик дает, насколько это возможно, внутреннюю тепловую, гормональную и спектральную сигнатуру.

Уже неплохо. Полицейский дрон – штука очень умная: тепловизором засекает биологические объекты, спектральным анализом определяет местоположение предметов со следами пороха, ЖМВ и оружейной смазки, а «Оракулом» – прибором гормонального контроля, определяет, от кого чем «пахнет» – адреналином и кортизолом, или, наоборот – норадреналином³¹. А уж когда все эти сведения в оперативном штабе воедино сведут – почти готовая картинка: кто, где и от кого чего ждать. Одно плохо – радиус чувствительности у этой модели маловат. Если бы тут была, к примеру, война

³¹ Адреналин и кортизол – гормоны страха, норадреналин – противоположность адреналина, гормон отваги

банд – было бы проще. Запустили бы армейские «Рапторы». Там и бронированный корпус, и радиус действия – чуть не до горизонта, и сменные боевые блоки – хоть снайперскую винтовку ставь, хоть пулемет крупнокалиберный, а хоть «Грендель» – такой же, как на нашей тяжелой «бронь». Но «Раптор» – очень приметный. И в нашем случае не подходит совершенно. Если его засекут, что совсем несложно при его-то габаритах и внешнем виде, то обоих патрульных просто пристрелят.

На экране тем временем разворачивается светло-зеленая объемная трехмерная проекция многоэтажки, внутри лабиринтов которой яркими желтыми, оранжевыми и красными силуэтами вспыхивают человеческие фигурки. Ну, тут все ясно: желтые человечки – не представляющие прямо сейчас непосредственной угрозы, красные – противник, наличие оружия у которого точно подтверждено. Оранжевые – промежуточный вариант, «лицо под подозрением». Таких, к счастью, совсем мало. Ну, и два ярко-синих, тут понятно все, именно за ними мы и прибыли.

– Местная полиция уже организовала оцепление, выставила на позиции снайперов и подключила группу ведения переговоров.

И это тоже хорошо. Снайперы в участках полиции тут хоть и внештатные, но не просто более-менее понимающие, как работать с оптикой любители под пиво по пустым банкам на стрельбище пострелять, как в местах попроще. Как ни крути,

Новая Аризона – планета богатая, может себе позволить расходы на подготовку персонала. Так что у местной полиции снайпер по уровню знаний и умений от спецов Мобильных сил и армейцев отстает не сказать, чтобы очень сильно. К тому же большинство здешних полицейских из числа специалистов-«внештатников» в прошлом служили. Обычно либо в десанте, либо в Корпусе³². В общем – облажаться не должны. Да и дистанции в городе смешные по армейским-то меркам.

– Словом, – резюмирует Мердок, – ситуация непростая, но пока не критическая. Работаем штатно: прибыли, скоординировались с руководством оперативного штаба операции, ждем задачи. Когда получим – выполняем. Риггс, за Райана отвечаешь головой. Понял?

– Ай-ай, сэр, – негромко и серьезно отзывается мой наставник.

Потом было не сказать, чтобы очень долгое, но весьма напряженное ожидание. Все интересное сейчас происходит в автобусе оперативного штаба: туда идет информация с дронов и доклады снайперов, там специалист-переговорщик заговаривает зубы киднепперам³³ и попутно подводит их к мысли, что можно было бы и сдаться, глядишь, за сотрудничество засчитают, срок дадут поменьше или отправят с тюрьму с режимом помягче.

³² Корпус – имеется в виду Корпус морской пехоты (КМП)

³³ Киднепперы – преступники, занимающиеся похищением людей, чаще всего – за выкуп. В данном случае – взявшие заложников

Там, скорее всего, сразу на нескольких коммуникаторах разом висит бедняга начальник местного полицейского Управления, пытаюсь одновременно всем собеседникам угодить и всех убедить в том, что уж у него-то все под контролем. А как вы хотели? Городской комиссар рвет и мечет: «Как допустили?», да еще, наверное, причиной низкого уровня профессиональной подготовки патрульных офицеров интересуется. Мэр требует в кратчайшие сроки восстановить законность и порядок на вверенной территории. Какой-нибудь местный конгрессмен положение дел зондирует на предмет пиара своей деятельности. Причем этому исход вообще безразличен: пойдет все складно – будет рассказывать избирателям о героической полиции и всемерной помощи, которую он силам правопорядка оказывает, сорвется и покатится в ад ко всем чертям – обрушит на полицию громы и молнии и будет от лица избирателей пафосно вопрошать: «Доколе?!». Да еще и прессы, наверное, налетело как мух на... Ну, вы меня понимаете. Вот и крутится бедолага-капитан волчком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.